

БАУЛИ ПИЕТТОМИН

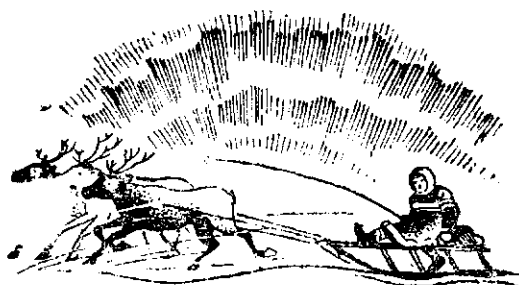

ОГИЗ - ОМГИЗ - 1940 г

АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ УНКВД ПО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ВАУЛИ ПИЕТТОМИН

*Из истории социальных движений
хантэ и ненцев
в XIX веке*

ОМСК

1940

Омское Областное Издательство

В ау ли П не т то м и н. Омское Об-
ласное государственное издатель-
ство. 1940 г. Инд П.1-6. изд. № 3-XV.

★

Редактор *В. Луговской*
Технический редактор
В. Кохановский
Корректор *М. Катаева*

★

Сдано в набор 5 IX-39 г. Подписано
к печати 22-III-40 г. Формат 60х92₁₆
Объем: 1,5 бум. л., 3,0 печ. л., 4,0
уч.-изд. л. 53300 тип. зн. в печ. л.
Тираж 5000 экз.

★

Обллит № Б-2174

★

Типография издательства „Омская
правда“. г. Омск, ул. Декабристов, 47.
Заказ № 6630.

★

Цена в переплете 1 руб. 25. коп.

„Царская Россия была очагом всякого рода гнета—и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме“ (Сталин).

Среди социальных движений малых северных народностей первой половины XIX века на первом месте по интенсивности и по значимости стоит движение 1830-40 годов, связанное с именем его руководителя—Ваули Пнеттомина из пенецкого рода Пенянг (комар).

Имя Ваули вошло в историю северных народностей, и в памяти народных масс Севера дожило до наших дней, как имя руководителя пенецко-хантэйской бедноты в борьбе против угнетателей и эксплуататоров—туземных князьков, русских чиновников, пенецких и хантэйских старшин, богатых оленеводов и русских торговцев и купцов.

Дореволюционная литература о Ваули представляет собой ряд отдельных небольших заметок, авторы которых расценивают движение Ваули с великодержавно-шовинистической точки зрения.

Так, например, Н. Абрамов—яркий образчик провинциального домопращенного историка середины XIX века—в своем «Описании Березовского края»¹, характеризуя движение, называет Ваули «возмутителем народного спокойствия самоед» и расценивает выступление Ваули, как разбойничье. Пересказ событий 1839—1841 года занимает у Абрамова всего 2 странички и дает только хронологическую канву событий.

Такая же чиновничье-великодержавная оценка движения Ваули дается в заметке «Самоедский праздник в Обдорске по случаю раздачи высочайших наград»². В этой заметке содержится, главным образом, ряд фактических данных об отзвуках движения Ваули в 1856 г. Сам Ваули, его сподвижники 40-х годов и последователи 1856 года рисуются просто грабителями, а успехи и популярность Ваули объясняются страхом перед силой его шаманства.

Несколько отошел от оценки движения Ваули, как разбойничьего, Барш в статье «Обдорский возмутитель». Статья эта написана, как го-

¹) „Тобольские губернские ведомости“. 1858 г. Отделение II, часть неофициальная, книга 21.

²) „Тобольские губернские ведомости“. 1858 г. № 9.

ворит сам Барш,¹⁾ по рассказам, так как дела о Ваули в архиве Тобольского губернского суда по его запросу не нашли.

В статье этой перепутаны даже хронологические даты, анализа событий совершенно не дано. Автор все движение связывает с фигурой самого Ваули, о котором говорит, что «это была, действительно, весьма замечательная между дикарями личность».

П. Славин в статье «Самоеды-грабители в Обдорском крае»²⁾ в основном повторяет данные Барша, и, кроме того, использует дело Тобольского губернского архива «о самоедах, производящих грабежи в Обдорском отделении», для краткого очерка отзвуков движения Пиеттомина в 1856 году.

Такова основная крайне бедная дореволюционная литература о Ваули. Кроме того, о Ваули и о движении, организатором которого он был, разбросан ряд мелких заметок во всех дореволюционных работах по истории Западной Сибири: у Шанкова «Сибирские инородцы в XIX веке», у Житкова «Полуостров Я-мал» и в ряде других.

В современной литературе нет ни одной работы, посвященной этому наиболее значительному движению пенецко-хантэйской бедноты в первой половине XIX века.

Даже в работе, вышедшей в 1937 году — «Очерк истории народов Северо-Западной Сибири», автор ее — Карцев, говоря об этом движении, принужден ограничиться использованием тех немногих статей, о которых упоминается выше.

Н. Абрамов и Барш для своих работ использовали рассказы современников. Однако, тексты сказаний и легенд о Ваули, бытующие на севере и до наших дней, до революции не записывались.

Несмотря на тщательные розыски, в Тобольском архиве не найдены до сих пор архивные материалы о движении Ваули, которые должны были храниться в Тобольском архиве. Есть данные, что царские чиновники при одной из очередных варварских «чисток» архивных материалов уничтожили дела об этом движении³⁾. Поэтому большую научную ценность представляют публикуемые материалы о движении Ваули из недавно выявленного в Омском историческом архиве дела Главного управления Западной Сибири № 1960 за 1841 год «О возмущении остяков Березовского края самоедом Ваули Пиеттоминым».

Подходя к оценке публикуемых материалов, нужно помнить, что это официальные материалы царских чиновников, что события освещаются ими в общем и даже в деталях односторонне и с точки зрения сибирской администрации николаевских времен.

Однако, эти материалы для исследователя дают ряд новых данных как о самом Ваули, о его биографии, так и о движении, дают точную хронологическую канву и часто против воли составителей — царских чиновников — проливают свет на отдельные факты из этого наиболее значительного социального движения в Северо-Западной Сибири в первой половине XIX века.

Крайняя бедность показаний самого Ваули не покажется странной

¹⁾ «Русская старина», 1881 г., октябрь, стр. 377—383.

²⁾ «Ежегодник тобольского музея», выпуск XIX-й.

³⁾ «Тобольский архив». Тобольск, 1937 г., стр. 26.

тому, кто знаком с показаниями Пугачева и других вождей народных движений в прошлом. Они, естественно, избегали давать подробные объяснения, которые могли бы еще более отяготить их положение перед царским судом. В свою очередь царских чиновников не интересовали ни мотивы, ни обстановка движений. Их допросы сводились к тому, чтобы выколотить из подследственного показания, непосредственно уличавшие его в «противозаконных поступках». Поэтому показания Ваули мало вскрывают социальную суть движения, которое он возглавлял.

Несомненно, однако, что социальная сущность движения Ваули гораздо сложнее, чем ее изображает буржуазная шовинистическая историография, которая сводила все дело к примитивному разбою.

В тюрьме народов, какой была царская Россия, малые народности Севера были обречены на голод и вымирание.

Начавшаяся с первых же дней завоевания Сибири хищническая эксплуатация северных народностей царской администрацией, купечеством, промышленниками разных сортов довела малые северные народности до полного обнищания.

Правительство, опираясь на верхушку населения—на князьков и старшин, рассматривало широкие массы северных народностей только как объект для выколачивания ясака и других поборов.

Вот характерные цифры. В 1763 году в Березовском крае было 8003 ненца и ханты, подлежащих обложению. Они выплачивали яsak пушнина по оценке в 6876 руб. 90 коп. В 1829 году по переписи ясачной комиссии¹⁾ в Березовском округе было подлежащих обложению 10993 души (8421 ханты и 2572 ненца). Население, подлежащее обложению, выросло как видим, приблизительно на 25 проц. В 1829 году ненцы и ханты Березовского округа платили ясака на ту же сумму и 44-копеечного сбора по указам 1797 года и 1806 года 4722 руб. 52 коп. и выполняли натуральных повинностей по оценке на 12723 руб. Комиссия же установила подати в размере 20212 руб. 35 коп., не считая повинностей.

Таким образом, обложение увеличилось против 1763 года почти на 300 проц. И это несмотря на то, что общее экономическое положение северных народностей к 30-м годам XIX века значительно ухудшилось. Тобольская казенная палата в 1828 году заявляла, что «инородцы тогда (т. е. в 1763 г.) были гораздо зажиточнее, нежели в нынешнее время».

В самом деле сумма обложения была гораздо выше, чем ее показывают официальные цифры, так как оценка мехов, сдаваемых в яsak, была крайне низкой, и, кроме того, приемщики мехов прибегали к целому ряду мошенничеств и в оценке, и в записях налагаемого ясака. К этому нужно прибавить поборы со стороны духовенства, прибегающего к чисто провокационным приемам для выколачивания из поработанных народностей всякого рода штрафов за нарушение церковных правил (несоблюдение постов и прочее).

В годы плохого улова рыбы и добычи зверя, особенно в начале XIX века, когда, в результате хищнических способов лова и сильных лес-

¹⁾ Омский исторический архив, фонд № 3, дело № 851.

ных пожаров погибли лучшие звероловные места, обвинявшим венецко-хантэйским массам приходилось для уплаты ясака обращаться за ссудой или к «своим» богачам или же к русским купцам и промышленникам.

Ростовщичество процветало на Севере вплоть до Октября. В залог за взятую небольшую сумму пенцы и хантэ отдавали лучшие угодья. Колоссальные проценты нарастали на взятую сумму и на проценты, и в результате население запутывалось в долгах. Ядрищев в своей работе «Сибирь как колония» приводит характерный факт, как местные жители в 1688 году заложили угодья за 1 р. 50 к. и 135 лет, до 1823 года, не могли их выкупить.

Пользуясь покровительством властей, русские купцы и промышленники брали в долгосрочную аренду, по баснословно низким ценам, лучшие угодья и фактически становились настоящими хозяевами их. Практиковался и прямой открытый захват русскими промышленниками и купцами лучших угодий.

Теряя лучшие угодья, народности Севера одновременно подвергались усиленной торговой эксплуатации. Им продавали наиболее плохие, часто бракованные товары по баснословно-высоким ценам. В этой грабительской торговле участвовало в качестве контрагентов и местное национальное кулачество и духовенство.

Обдираемые царскими чиновниками, купцами, попами и промышленниками, широкие хантэ-ненецкие массы попадали в кабалу к своему «родному» кулачеству, представители которого занимали все низшие административные посты и были посредниками между высшей русской администрацией и широкими массами.

Массы дошли до крайнего обнищания, в то время, как верхушка, во главе с князьями, быстро обогащалась. Князья (Тайшин, Артанзиев и другие) были верными слугами царизма, от которого они получали всевозможные награды и подачки. Именно царизм помогал им властвовать и эксплуатировать широкие массы ненецкого и хантэйского народов.

Нужно к этому добавить полное юридическое бесправие ненца, хантэ и малец в царской России. Царское правительство считалось только с верхушкой—князьями, богатыми оленеводами, старинными. Бедняк ненец или хантэ в глазах самого мелкого чиновника был «собакой», «дикарем». Сибирская администрация от верху до низу была взяточниками, казнокрадами и насильниками.

Из года в год повторялись голодовки, при которых бывали случаи людоедства, население косило болезни. Общеизвестен много раз обсуждавшийся вопрос о так называемом «угасании» северных народностей. Северные народности, пыле возрождающиеся под мудрым водительством партии Ленина—Сталина, в старой царской России обречены были на вымирание.

20 годы XIX века были годами еще большего увеличения податных тягот, усиленного отбирания угодий, усиления эксплуатации, невероятного двойного гнета—социального и национального, против которого и было направлено руководимое Ваули Инеттоминим движение.

Тридцатые годы XIX века были годами нового усиленного напора православного духовенства по христианизации северных народностей.

В Тобольске была основана миссия специально для Севера. С крестом в одной руке и с кнутом в другой с начала XVIII века насаждали попы на Севере христианскую религию, прибегая к циничным, грубо открытым методам насилия и провокации, вызывавшим глухое недовольство и открытые протесты населения Севера.

Временное относительное затишье в деятельности миссионеров с семидесятых годов XVIII и начала XIX века сменилось новым, поддерживаемым властью, оживлением христианизаторской деятельности православных попов.

Движение Ваули двадцатых-сороковых годов XIX века было именно движением хантэйской и ненецкой бедноты, направленным против двойного гнета—социального и национального.

Как о самом Ваули, так и об участниках его отрядов, ниже приведенные официальные документы говорят. как о бедняках, «не имеющих нежного пропитания».

Эти документы указывают, что Ваули стал в результате удачных нападений на богатых оленеводов старшиною. Совершенно ясно, что избрание Ваули старшиною могло произойти только в результате усиленной борьбы между бедняцкой частью и кулачеством. Совершенно очевидно, что избрание Ваули означало победу именно бедняцкой части.

Общий ход движения Ваули рисуется так: с 20-х годов XIX века Ваули чинил нападения на богатых оленеводов, отгоняя оленей и деля их между своими товарищами. В январе 1839 г. князек Иван Тайшин подал жалобу на Ваули Обдорскому заседателю Соколову и представил приговор, составленный им и старшинами об удалении Ваули. Ваули и его ближайший товарищ Магири Вайтин были арестованы. Березовский окружной суд постановил сослать их в каторжную работу после наказания кнутом, но Тобольский губернский суд смягчил это наказание, приняв во внимание то обстоятельство, что они «делали воровство и грабежи для того, чтобы им и другим бедным самоседам не лишиться жизни при неуроде зверя и невозможности по дальнему расстоянию мест их жительства быть в Обдорском отделении для взятия в долг муки».

Губернский суд постановил дать Ваули и его товарищу по 20 ударов плетью и удалить их в другое место.

После наказания плетью Ваули и его товарищ были отправлены в Сургутское отделение, где они должны были быть водворены в самую отдаленную волость, в действительности же они оставались в Сургуте и поступили работниками к одному из местных мещан, получая за работу пропитание.

22 августа 1839 года Ваули с товарищем, захватив лодку, бежали из Сургута.

Сразу же после побега, организовав отряд, Ваули начал нападения на богатых оленеводов. Однако, в этот период движение Ваули переросло рамки обыкновенных нападений. Ваули выставил программу, которая была близка широким ненецко-хантэйским массам.

Ваули выставил следующие требования: снижение ясака—вместо 2 песцов—одного, снижение цен на все русские товары и на хлеб, который отпускался из казенных магазинов населению.

Отряд Ваули представлял значительную силу, с которой не могли не считаться как князь Тайшин, так и другие старшины.

Ваули сместил двух старшин и намеревался сменить князя Тайшина—главного агента царского правительства. Весь 1840 год прошел в нападениях Ваули и его отряда на богатых оленеводов.

Широкие хантэйско-пенецкие массы шли за Ваули. Тайшин и старшины, местное кулачество могли опереться только на помощь царской администрации.

Административным центром Севера тогда был Обдорск, сюда съезжались туземцы в декабре-январе каждого года на ярмарку, где производилась продажа мехов, закупались необходимые продукты и припасы на весь год. Здесь же население сдавало в казну ясак.

Ваули со своим отрядом решил двинуться на Обдорск, захватить его, сместить князя Тайшина, разобрать муку из казенных магазинов, снизить цены на русские товары и повысить цены на меха.

Через своих посланцев Ваули запретил сдавать в казну ясак до его прибытия в Обдорск.

Популярность Ваули была настолько велика, что прибывшее на ярмарку в декабре 1840 года и в январе 1841 года население отказалось вносить ясак.

1 января 1841 года в Обдорск приехал исправник Скорняков. По рассказам, которые приведены у Барша и других, Скорняков был типичным чиновником-самодуром и трусом. «Капитан Митька», так называли его пенцы. Князь Тайшин со старшинами по приезде исправника в Обдорск заявили ему, что туземцы боятся сдавать ясак, так как это запрещено Ваули, который обещал сам прийти в Обдорск. Вести о движении Ваули вызвали настоящую панику среди обдорских мещан и купцов, а также среди прибывших на ярмарку русских торговцев.

Исправник послал нарочного вытребовать из Березова на помощь казаков, а сам упросил Березовского мещанина Николая Печаяевского, который хорошо разговаривал по-пенецки и был знаком близко с отцом Ваули, отправиться в тундру разведать о намерениях Ваули.

Печаяевский выполнил поручение и, возвратясь в Обдорск, рассказал, что Ваули хочет идти на Обдорск.

О провокаторской роли Печаяевского очень ярко говорят официальные документы. Приблизившись к Обдорску приблизительно на 100 километров, Ваули послал за князем Тайшиным.

Тайшин, по совету исправника, выехал к Ваули. Встретив Тайшина, Ваули хотел его бить оленьим рогом, но, по просьбе Печаяевского, бывшего в то время с Ваули, Ваули не избил князя, но заявил ему, что он сместит его и назначит на его место хантэ Янту Мурзина. Тайшин кланялся Ваули, целовал у него руку и обещал выполнить все требования Ваули и звал к себе в гости в Обдорск. От Ваули князь вместе с Печаяевским поехал в Обдорск.

Исправник и старшины с князем во главе и русские купцы и торговцы готовились устроить Ваули в Обдорске западню.

14 января Ваули с небольшим отрядом в 40 человек подъехал к Обдорску. Часть отряда он оставил под Обдорском возле казенных хлебных

магазинов, а с 40 людьми въехал в Обдорск на нартах. На партах под оленьими шкурами было спрятано оружие.

С двадцатью вооруженными своими людьми, войдя в избу к Тайшину, Ваули заявил князю Тайшину о его смещении. В это время исправник устроил засаду, расставив казаков и добровольцев из торговцев вокруг юрты в незаметных местах. Два раза исправник посылал к Ваули звать его к себе в гости, а затем явился сам, схватил Ваули за руку и вывел из избы. Ваули начал сопротивляться, его схватили казаки, и возле юрты князя началась схватка. Ваули был на руках унесен в квартиру исправника. Часть его отряда была схвачена, некоторым удалось бежать.

Поражение Ваули немедленно сказалось на поступлении ясака Администрации и князь с старшинами были в восторге от того, что им так легко удалось справиться с Ваули. На месте стычки возле юрты князя был отслужен благодарственный молебен, устроен парад и, как писали тобольские власти, «инородцы в благоговейном восторге сделали угоднику божьему Николаю на 300 рублей разных приношений».

Само собой понятно, что эти приношения сделаны были не рядовыми ненецкими-бедняками, у которых и на выплату ясака не хватало пушнина, а именно князем и богачами-оленьеводами.

Арестованный Ваули с товарищами был отправлен сначала в Березов, затем в Тобольск и предан военному суду. Военный суд приговорил Пиеттомина к ссылке в каторжную работу. Генерал-губернатор Западной Сибири утвердил приговор и предписал отправить Ваули для отбывания каторжных работ в Восточную Сибирь.

Дальнейшая судьба Ваули неизвестна.

Движение Ваули—движение хантэйской, ненецкой бедноты—с самого своего начала приобрело широкие размеры. В течение всего 1840 года власть над ненецкими и хантэйскими была в руках не князя Тайшина¹⁾—ставленника царской власти и старшин—богатых оленьеводов—кулаков, а в руках Ваули, который смещал старшин. Если бы не помощь царской администрации, то и князь Тайшин был бы смещен. Делая нападения на богатых оленьеводов, отбирая у них оленей и другое имущество, Ваули делал его среди бедняков.

Выставленные Ваули цели: снижение ясака вполовину, снижение цен на товары, продаваемые русскими купцами, снижение цен на муку из казенных магазинов, сложение долгов за муку—были понятны широким массам северных народностей.

Движение Ваули Пиеттомина, за которым шли широкие массы бедноты Севера, потерпело поражение. В 1856 г. был ликвидирован последний уцелевший от разгрома 1841 г. отряд последователей Ваули.

Царская администрация и кулачество праздновали легкую победу над ненецкой и хантэйской беднотой. Однако, образ Ваули предался в память широких хантэйских и ненецких масс. Ненецкая и хантэйская беднота не верила, что Ваули погиб, ждала его возвращения.

В 1833 году—через сорок с лишним лет после движения Ваули—в

¹⁾ О Тайшине см. заметку Попова „Остяцкие князья“. „Русская старина“. 1890 г., ноябрь, стр. 457—460.

Обдорске начали шириться слухи, что на Обдорск идет Ваули или его потомок.¹⁾ Слухи эти вызвали настоящую панику среди обдорских торговцев.

Память о Ваули дожила до наших дней, до дней возрождения к новой счастливой жизни малых северных народностей, когда «народы-парии, народы-рабы впервые в истории человечества поднялись до положения народов, действительно свободных и действительно равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира» (Сталин).

Материалы о движении Ваули Пиеттомина²⁾ 1841 год.

23/I. Донесение Tobольского губернатора ген.-
руб. Зап. Сибири с первыми известиями
о движении Ваули

Tобольское
общее губернское
управление

Донесение
о бунте остяков и
самоедов

По канцелярии
Главного управления
Отделение

Стол
23 января 1841 г.
№ 375
Тобольск

Нужное

Его сиятельству
господину генерал-губернатору
Западной Сибири

Березовский исправник от 14 и земский суд от 17 числа сего месяца донесли мне, что наказанный за преступление и поселенный в Сургутском отделении самоед Ваули Пиеттомин бежал из ссылки в свое племя и, набрав вооруженную шайку человек до 400, производил грабежи в кочевьях. Последуемые удачею набеге его внушили дикарям такой страх, что никто не противился корыстолюбивым требованиям разбойника, но всякой удовлетворял их с покорностью, не смея даже сказать русским о своевольствах и насилиях Ваули, который наконец протер дерзость свою до того, что назвался царем кочующих племен, унижил значение и обессилил власть природных князцов, сменил некоторых утвержденных начальством старшин, запретил народу платить следующий в государственную казну ясак и вознамерился будто-бы напасть на Обдорское укрепление, к которому подошел с шайкою 14 числа сего месяца и остановился в 25 верстах.

По распоряжению исправника, Ваули Пиеттомин с двумя его сподвижниками схвачен и отправлен в Березов для содержания в остроге, а шайка еще не рассеялась, и, по мнению исправника, опасна; но я по-

¹⁾ Тобольский архив*, стр. 26.

²⁾ В журнале „Красный архив“ № 1 за 1939 г. напечатана часть данных материалов с предисловием.

читаю это опасение совершенно мечтательным, сколько по причине задержания предводителя Ваули, столько по кротости характера остяков и самоедов и потому еще, что свергнутые Пиеттомины прежние, родовые власти, войдут теперь в свои права, будут препятствовать осуществлению замыслов Ваули и не скроют приверженцев его.

С присланным от исправника нарочным я отправил к нему предписание о принятии необходимых мер противодействия бунтовщикам и командировал в Обдорск чиновника особых поручений Тобольского общего губернского управления Казачинского, на которого возложил совершенное окончание настоящего дела, разумея под этим исследование побудительных причин бунта остяков и самоедов, уничтожение его, арестование главнейших бунтовщиков, приведение прочих в повиновение и поуждение к уплате ясака.

О чем имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству, докладывая, что о каждом новом известии особо буду доносить, по получении сведений от Казачинского.

Исправляющий должность гражданского губернатора Ладыженский.

(Л. д. 4—5).

29/I. Секретное предписание ген.-губ. Зап. Сибири
Тобольскому гражд. губернатору об организации
особой следственной комиссии

Секретно

Отд. I. Ст. I
29 января 1841 г.
№ 11
Омск

Г. исправляющему должность
Тобольского гражданского
губернатора

Прочитав допоселение вашего превосходительства от 23 сего января за № 375 о возникшем беспокойстве в Березовском крае, и разделяя совершенно мнение ваше, что по известной кротости нрава остяков и самоедов, по недостатку у них оружия и способов находиться в многочисленном сборе, а еще более при арестовании предводителя шайки Ваули Пиеттомина с двумя его сподвижниками, опасности не предвидится, признаю однако же не бесполезным для распоряжений на месте и дознания причин оказавшихся беспорядков составить там особую следственную комиссию под председательством благонадежного губернского советника по вашему избранию, из адъютанта моего графа Толстого, которому вместе с сим дается от меня особое предписание о том, и посланный уже вашим превосходительством в Березов чиновник особых поручений общего губернского управления Казачинского. Вследствие чего прошу вас, милостивый государь, сделать по сему немедленно распоряжение и для подкрепления действия означенных лиц командировать еще до 50 человек казаков Тобольского городского полка. По окончании же следствия представить его ко мне для предания преступников военному суду. При чем прошу ваше превосходительство доставить мне основательное сведение, по каким именно причинам осужденному к ссылке самому Ваули было назначено место пребывания, столь близкое к его родине; и не оставьте подтвердить, кому следует, о строжайшем надзоре за содержанием под стражей преступников.

Прогонные деньги Толстому даны по распоряжению моему от Омска до Тобольска из сумм Главного Управления, на дальнейшее же следование и обратно до Омска предоставляю сделать распоряжение вашему превосходительству. **

**Добавлено рукою его сиятельства: «казаков полагаю я послать пешим; и если нельзя всех из одного, то из обоих полков, находящихся в распоряжении вашем, именно Тобольского и Татарского, ими можно на месте занять караулы, а находящихся в том краю, как более сведущих в местности, употребить для поисков. Сообразить, нельзя ли людей этих по частям для поспешности послать на подводах».

Подписал ген. губ. Западной Сибири генерал-лейтенант князь Горчаков 2-ой
(Л. Л. 6-7).

Тобольское
общее губернское
управление

Донесение
по делу о беглом
самоеде Ваули
Пиеттомине

По канцелярии
Главного управления
Отделение 1.

Стол 1.
28 января 1841 г.
№ 105
Тобольск

28/I. Донесение Тобольского
губернатора генерал-губернатору
Зап. Сибири об аресте Ваули

Его сиятельству господину
генерал-губернатору Западной
Сибири

При самом отправлении к вашему сиятельству нарочного, я получил рапорт Березовского земского исправника, что сделавший возмущение между инородцами беглый самоед Ваули Пиеттомин, с пятью человеками другими с ним в грабеже участвовавшими, пойманы и посажены в острог. В Березовском округе водворено совершенное спокойствие, инородцы быстро, по выражению исправника, сдают ясак. Спешу о сем довести вашему сиятельству, чтобы на этот счет вас успокоить.

Исправляющий должность гражданского губернатора Ладыженский.
(Л. 10).

29/I. Инструкция ген. губ. Зап. Сибири адъютанту
графу Толстому, назначенному в следственную
комиссию

Отделение
Стол 1
29 января 1841
№ 10
Омск

Секретно

Господину адъютанту графу
Толстому

По случаю возникших беспорядков в Березовском крае от возмущения, произведенного самоедом Ваули Пиеттоминым, я назначил для распоряжений на месте и дознания причин оказавшихся беспорядков составить там особую следственную комиссию под председательством гу-

бернского советника, из Вас и посланного уже исправляющим должность Тобольского гражданского губернатора чиновника особых поручений Общего губернского управления Казачинского; о чем для надлежащего распоряжения и дано мною сего же числа г. статскому советнику Ладыженскому предложение.

Вследствие чего предписываю вам немедленно отправиться в Тобольск и явиться к г. Ладыженскому. Прогонные же деньги от Омска до Тобольска вы получите из Главного Управления Западной Сибири, а на дальнейшее следование и обратно до Омска будет сделано распоряжение со стороны исправляющего должность гражданского губернатора. Генерал-Губернатор Западной Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса князь Горчаков 2-й.

(л. 8).

1/II. Проект рапорта ген.-губ. Зап. Сибири
военному министру о принятых им мерах
в связи с движением Ваули

Проект.
Секретно.

Отделение 1
Стол 1
1 февраля 1841 г.
№ 14
Омск

Господину военному министру
Генерал-губернатора Зап. Сибири

Рапорт.

Прилагаемым в копии донесением исправляющий должность Тобольского гражданского губернатора уведомил меня о возникшем беспорядке в Березовском крае и о принятых им мерах к прекращению оного. Разделяя совершенно мнение статского советника Ладыженского, что по известной кротости нрава остяков и самоедов, по недостатку у них оружия и способов находиться в многочисленном сборе, а еще более при арестовании предводителя шайки Ваули Пиеттомина и двух его сподвижников, опасности не предвидится; я признал однако же не бесполезным для распоряжения на месте и дознания причин оказавшихся беспорядков, составить там особую следственную комиссию под председательством благонадежного губернского советника из адъютанта моего поручика графа Толстого и посланного уже в Березов чиновника особых поручений общего губернского управления Казачинского и для подкрепления действия означенных лиц командировать еще до 50 человек казаков Тобольского городского полка. Но вслед за этим распоряжением я получил от статского советника Ладыженского новое донесение, что сделавший возмущение между инородцами; беглый самоед Ваули Пиеттомин с пятью человеками других, в грабеже с ним участвовавших, пойманы и посажены в тюремный острог; в Березовском же крае водворено совершенное спокойствие, инородцы попрежнему, без всякого затруднения вносят ясак. Почему отменив посылку туда казаков, как меру уже ненужную, я оставил в своей силе распоряжение относительно составления следственной комиссии.

По окончании следствия Ваули будет предан военному суду в силу пункта 2 высочайшего секретного указа, данного е. и. в. на имя моего предместника в 26 день декабря 1834 года, и дело с моим мнением представлю вашему сиятельству. О причинах же, по коим Ваули, осужденному к ссылке, было назначено место пребывания столь близкое к своей родине, спрашиваю с кого следует, и с виновных не премину взыскать.

Генерал-губернатор Западной Сибири. генерал-лейтенант князь Горчаков 2-й.

(л. л. 12--13).

Тобольское общее
губернское управление
Отделение 1
Стол 1

Донесение
о самоеде Ваули
Пистомине

По канцелярии
Главного управления
Отделение 1

Стол 1
4 февраля 1841 г.
№ 694
г. Тобольск

4/II. Донесение Тоб. губернатора
ген. губ. Зап. Сибири о составе
следственной комиссии

Его сиятельству господину
генерал-губернатору Западной
Сибири

Поспешаю почтительнейше довести вашему сиятельству, что согласно воли вашей, изъясненной в предписании ко мне от 29 января за № 11, в Обдорске учреждена следственная комиссия для исследования причин оказавшихся беспорядков от самоеда Ваули Пистомина, в которую председателем мною командирован советник Тобольского губернского правления надворный советник Соколов, об отпуске как ему, так и адъютанту вашего сиятельства, графу Толстому, проговоров, мной сделано надлежащее распоряжение. Посылкой же 50 человек казаков, согласно последнему вашему предписанию, я приостановился.

За сим обращаясь к вопросу вашего сиятельства о том, по каким именно причинам осужденному к ссылке самоеду Ваули было назначено местопребывание столь близкое к его родине, имею честь доложить, что по собранным мною сведениям от губернского суда и правления оказывается, что этот самоед в 1839 году был судим за воровство и грабеж у инородцев оленей и разных вещей в продолжение 10 лет, в чем сам чистосердечно при следствии сознался, и по приговору губернского суда, утвержденному бывшим гражданским губернатором Талызиным, наказан при позиции плетью 20 ударами. Приговором сим предоставлено удалить его в другое место, что и исполнено через губернское правление в том же 1839 году с назначением ему местопребывания в Сургутском отделении.

Исправляющий должность гражданского губернатора Ладыженский.
(л. 14).

Тобольское
общее губернское
управление

Донесение
с представлением
оружия, отобранного
у самоеда Ваули
Пнеттомина

По канцелярии
Главного управления
Отделение
Стол
Февраля 13 дня
1841 г.
№ 815
г. Тобольск

13/II. Донесение Тоб. губернатора
ген. губ. Западной Сибири с дан-
ными о ходе движения Ваули

Нужное

Его сиятельству господину
генерал-губернатору Западной
Сибири

Чиновник особых поручений Казачинский, командированный мною в Обдорск, по случаю обнаружившегося возмущения между самоедами, по прибытии в Березов, нашел это возмущение прекращенным, возмутителей арестованными и самое следствие конченным. Сколько из документов следственного дела, не менее из разведываний от частных людей, очевидцев происшествия, он узнал о всех подробностях и от 3-го числа этого месяца донес мне обо всем с удовлетворительною отчетливостью. Вместе с тем, я получил при рапорте Березовского земского исправника особенное описание всего случившегося. Сущность этих донесений состоит в следующем:

Главный возмутитель Ваули Пнеттомин смолода отличался ловким хищением у своих соплеменников оленей. Такое удалство, по понятию самоедов, приобрело ему уважение родовичей. Он сделался вскоре старшиною, и хищения его превратились в грабительство.¹⁾ Ронот общий в 1839 г., чрез князька Тайшина, дошел до местного начальства. Озорник был схвачен, предан суду, наказан и сослан в Перчинскую волость, самую дальнюю в Сургутском отделении. Пробыв там месяца два в работниках у русских рыбопромышленников, Ваули украл лодку и на ней возвратился на родину. Здесь он распустил слух, что само начальство возвратило его для управления народом. Эту ложь он подкрепил шаманством и предсказаниями, и когда овладел умами легковерных, устремил замысл к достижению власти над всем самоедским народом Березовского края. Из мести к князю Тайшину он запретил народу ему повиноваться и назначил старшину Мурзина на его место. Сменил подобным образом некоторых старшин, и, наконец, обольстив самоедов уверениями, что он, в предстоящую в Обдорске ярмарку, убавит ясак в половину, возвысит цены на рухлядь и понизит на муку, в самом деле направился к Обдорску. Березовский земский исправник, получив об этом сведение, поступил с благоразумностью опытного чиновника. Он выслал к Ваули мещанина Нечаевского, давнишнего его приятеля по торговым сношениям. Нечаевский, встретив Ваули верст за 150 от Обдорска, успел уговорить его приехать к себе в гости в самый Обдорск.

¹⁾ Царская администрация стремилась всякому социальному движению угнетенных масс приклеить ярлык „грабительства“.

За 25 верст от Обдорска Ваули нашел Тайшина в своих юртах. Упоенный раблепною покорностью этого князька, Ваули послал его наперед в Обдорск и вслед сам приехал к нему гостем в сопровождении двухсот человек вооруженных. Здесь вскоре он был взят самим исправником, который вывел его из юрты Тайшина за руку и, приказав заковать вместе с другими пятью главными участниками, отправил в Березов для содержания в остроге. Слабое покушение освободить Ваули при самом выходе исправника из юрты отвращено без дальнейших усилий и без кровопролития. Исправник употребил при этом случае двадцать человек казачьей команды и одиннадцать человек торговцев и березовских мещан, добровольно вооружившихся. В распоряжениях исправника особенной похвалы достойна догадка—распужать оленей с сакками, на которых приехал Ваули с своими приверженцами и которые были оставлены в некотором отдалении от юрты Тайшина. Этим отнята была возможность к побегу. Двадцать пять казаков, вытребованных из Березова исправником, не успели прибыть ко времени. Но они дали возможность произвести на умы инородцев полезное действие. В Обдорске было отправлено торжественное молебствие, причем казаки в полной амуниции парадировали и произвели стрельбу из пистолетов. Следствие сказалоcь тотчас: идолопоклонники принесли в дар Обдорской церкви, для св. Николая чудотворца, звериными шкурами, до 500 руб.; очарование умов, произведенное обольщениями Ваули, исчезло совершенно, и самоёды не только сложили тотчас весь аяк за минувший год, но часть внесли уже за нынешний. Переторжка с ними русских несколько от этого происшествия не потерпела. Чиновник Казачинский упоминает в донесении своем, что три человека из сообщников Ваули остались не пойманными, и он собирает о них сведения.

Поспешая довести о всем этом до сведения вашего сиятельства, имею честь представить во-первых отобранное у Ваули оружие, о котором прилагается при сем особый реестр, и во вторых список о торговцах и мещанах, участвовавших в содействии к поимке Ваули. Не соизволите ли, может быть, приказать изъять им особенную вашего сиятельства благодарность, равно как и Обдорской казачьей команде.

Что касается до благоразумных и смелых действий исправника, с некоторой опасностью жизни сопряженных, я обязываюсь сказать, что они тем более достойны поощрения наградою, что этот чиновник, опытом свою полезную для того отдаленного края, просил уже меня, ради детей, требующих учения, перевести его на другое место, и я убедил его повременить для пользы службы.

В заключение долгом поставляю присовокупить, что с моей стороны о происшествии в Обдорске никакого донесения г. министру внутренних дел не сделано.

Исправляющий должность гражданского губернатора Ладыженский
(л. л. 16—17).

Список о торговцах и мещанах, участвовавших
в содействии к поимке Ваули Пиеттомина

Торгующие

1. Отставной коллежский регистратор Николай Никитин
2. Березовский купецкий сын Константин Нижегородцев

3. Березовский купец Степан Плехапов
4. Березовский купец Андрей Трофимов с 10 человеками своих рабочих

Березовские мещане

5. Дмитрий Шапошников
  6. Николай Нечаевский
  7. Дмитрий Булыгин
  8. Михайло Панаев
  9. Николай } Сергеевы
  10. Илья }
  11. Тобольский мещанин Алексей Мамеев
- Исправляющий должность гражданского губернатора Ладыхенский
л. 18).

Реестр отобранного оружия у Ваули Пинеттомина

Винтовка
Нож пятичетвертовый
Лук
Колчан со стрелами
Поясовой ножик
Копье одно

Исправляющий должность гражданского губернатора Ладыхенский.

Н. В. Это оружие, по неудобности отправить с почтою, будет представлено с первым нарочным.

(л. 19).

Тобольское общее
губернское управление
Отделение 1
Стол 1

Донесение
о занятиях комиссии о
беспорядках в Обдорске

По канцелярии
Главного управления
Отделение 1
Стол 1

20 февраля 1841 г.
№ 99
Тобольск

20/II. Донесение Тобольского
губернатора ген.-губ. Зап. Сибири
о действиях следственной
комиссии

Его сиятельству господину
генерал-губернатору Западной
Сибири

Комиссия, учрежденная для исследования происшедших в Обдорске беспорядков, донесла мне, от 12 сего февраля № 2, что по прибытии в г. Березов 11-го числа февраля, она нашла уже дело о беспорядках в Обдорске копченным производством следствия и переданным на рассмотрение и решение в Березовский окружной суд. По сему комиссия. вы-

требовав оное дело из окружного суда, приступила к рассмотрению и проверке оного и соображению, в чем надлежит его дополнить, подлежащие же крепко закованы и находятся под строжайшим караулом.

О чем и долгом счела почтительнейше донести вашему сиятельству для сведения.

Исправляющий должность гражданского губернатора Ладыженский
(л. 20).

Министерство
Военное

Канцелярия
министерства

Особая экспедиция
В С.-Петербурге
22 февраля 1841 г.
№ 195

Ответ на № 14

22/II. Предписание военного министра
ген.-губ. Зап. Сибири о выяснении
причин движения Ваули

Господину генерал-губернатору
Западной Сибири

Государи, император, по всеподданнейшему докладу моему рапорта вашего сиятельства от 1-го сего февраля, о возникших беспокойствах в Березовском крае, между остяками и самоедами и о принятых мерах к их усмирению—высочайше одобрил все распоряжения ваши по этому предмету, поручать изволит вашему сиятельству войти в ближайшее рассмотрение, не подали ли повода к этим беспорядкам, кроме возмущений сыльным самоедом Ваули, какие либо притеснения, злоупотребления или наущения.

Высочайшую волю сию сообщаю вам, милостивый государь, к исполнению, покорнейше прошу о последующем меня уведомить для доклада его величеству.

Воспыйший министр, генерал-адъютант граф Чернышев.
(л. 30).

Комиссия,
учрежденная для исследования причин
происшедших в Обдорске беспорядков

Донесение
о действиях комиссии

25-го февраля 1841 г.
г. Березов
№ 13

25/II. Донесение о действиях
комиссии

Господину генерал-губернатору
Западной Сибири

Комиссия почтительнейше честь имеет донести вашему сиятельству, что, по рассмотрении дела о происшедших беспорядках в Обдорске, она приступила к переследованию оного, и успела открыть настоящую причину произведенных самоедином Ваулей Цинетоминим беспорядков, и склонить его с сообщниками к признанию относительно последних пре-

ступных его замыслов. Он намеревался разграбить весь Обдорск, а в случае сопротивления решился даже действовать оружием, покушаясь на жизнь князя Тайшина и местных начальников.—Завтра комиссия отправляется в Обдорск, дабы окончательно исследовать все подробности этого дела на самом месте происшествия.

Вместе с сим предложила она Березовскому земскому суду сделать зависящие с его стороны распоряжения о заарестовании у преступников награбленного имущества и о доставлении некоторых важных сообщников мятежника Ваули, ежели же по отдаленности их кочевок нельзя их будет доставить вскоре, то чтобы он имел их в виду и принял строгие меры к поимке при первой возможности.

Вследствие сих обстоятельств Комиссия, согласно предписаниям вашего сиятельства к исправляющему должность Tobольского гражданского губернатора об учреждении оной, долгом считает и просит разрешения его превосходительства: дожидаться ли ей на месте вышеупомянутых сообщников Ваули, которые, зная об опасности им угрожающей, вероятно, ушли далеко; но ежели они и не переменили место прежней своей кочевки, то находятся и по словам самих преступников в изювной стороне близ реки Таз, на расстоянии двухмесячного хода на оленях от Обдорска, к преследованию же их нет теперь никакой возможности по той причине, что на всем этом пространстве нет почти никого, ибо сами мирные самоеды откочевали частью к Обской губе, частью же к Уралу и будут обратно, как обыкновенно, не ранее января месяца будущего года, то есть к ярмарке.

Председательствующий в комиссии советник. коллежский советник Соколов.

Адъютант поручик граф Толстой.

Чиновник особых поручений Казачийский.

(л. л. 24—25).

1/III. Рапорт адъютанта гр. Толстого ген.-губ. Зап. Сибири о поведении Обдорского отдельного заседателя Соколова

Командиру отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатору Западной Сибири господину генерал-лейтенанту и кавалеру князю Горчакову

Адъютанта поручика графа Толстого

Рапорт

Дабы исполнить волю вашего сиятельства, и неперемennую обязанностью поставлю себе довести до сведения вашего о противозаконных, самовольных и неприличных поступках Обдорского отдельного заседателя Соколова, о котором я имел честь писать вашему сиятельству в письме. Дабы излишне не утруждать вас, не стану уже говорить о

всех жалобах, поданных на него в Березове, по всей дороге к Обдорску и в самом городе, как от русских, так и от инородцев, которые все единогласно жалуются на самовольные и противозаконные его действия и притеснения.

Вы о всем этом изволите узнать от г-на губернатора, которому в подробности сообщает об оных ревизор, чиновник особых поручений Казачинский; я ограничусь донесением о том только, что он сделал противу меня и всей комиссии.—До отъезда нашего, за несколько дней комиссия дала предложенье земскому суду, вытребовать в Обдорск к ее приезду некоторых самоедов и остяков, причастных к делу и необходимых для спроса. Земский суд предписал о том заседателю Соколову, для немедленного исполнения. Приехав 1-го марта в Обдорск, комиссия не нашла там ни одного из нужных ей для спроса людей, ибо заседатель в продолжение недели не только не сделал на этот предмет никакого распоряжения, но даже отпустил и тех инородцев в свои кочевья, которые сами туда приехали. По этой причине мы будем без дела несколько дней и можем совсем этих людей не увидим. В довершение всего Соколов пришел мертво пьяный к нам в дом и, не поклонившись никому, обратился с частным разговором ко мне; когда я сделал ему замечание, что по долгу службы он обязан явиться к председательствующему в комиссии советнику Соколову, то он с азартом отвечал, что не намерен знать никакой комиссии, кроме господина ревизора, все увещевания последнего также не имели никакого действия, и вместо всякого ответа он продолжал говорить дерзости, которые считаю неприличным повторять перед вашим сиятельством, и заключил оные тем, что я непременно буду под судом. Уважая в нем мундир, но и не желая также унижать звания своего, в присутствии членов комиссии и посторонних лиц, я ограничился сказать ему, чтобы он немедленно вышел вон из комнаты, и что я не премину донести о сем вашему сиятельству; комиссия же вынужденной нашлась сделать на этот предмет журнальное постановление, приложенное к делу.

Из дела вашего сиятельства изволите усмотреть, что заседатель Соколов—один из главнейших виновников всех беспокойств, случившихся ныне в Обдорском отделении: 1—потому что не принял никаких мер с самого начала к расселению пайки Ваули, которая еще с 1839 года беспрестанно производила грабежи и с каждым днем возрастала, и 2-е потому, что явно притесняет инородцев, будучи с утра до вечера пьян, не входит нисколько в их положение и ежели они находят закладку, то единственно у исправника Скорнякова, который по обширности своего округа не может часто посещать этот отдаленный край.

В Березове есть также много чиновников, которые ведут себя подобно заседателю Соколову и приносят существенный вред для службы, я буду иметь честь лично доложить об них вашему сиятельству.

Адъютант поручик граф Толстой

№ 18
1-го марта
1841 г.
Обдорск
(л. л. 26—27)

Тобольское
общее губернское
управление

Март. Переписка об удалении
заседателя Соколова от должности

Донесение
о заседании Соколова

По канцелярии
Главного управления

Копия

Отделение 1
Стол 1
10 марта 1841 г.
№ 1565
Тобольск

Его сиятельству господину
генерал-губернатору Западной
Сибири

Польза службы требует, чтоб Отдельный Обдорский заседатель Соколов, допустивший разные беспорядки и предавшийся без меры пьянству, как удостоверяют члены комиссии, по воле вашего сиятельства учрежденной в Обдорске, и чиновник особых поручений Казачинский, немедленно удален был от должности и заменен другим.

Избрав на его место заседателя Курганского земского суда Тутолмина, я имею честь ходатайствовать согласия вашего сиятельства на удаление от должности первого и перемещение второго из Курганского в Березовский земский суд с назначением отдельным Обдорским заседателем. При этом долгом поставлю доложить, что я вместе с ним предписал Березовскому земскому суду вызвать Соколова в Березов, а для управления отделением до смены его командировать в Обдорск заседателя того же суда по корчемной части.

Подписал исправляющий должность гражданского губернатора Ладыевский.

(л. 28).

Отд. 1. Ст. 1
15 марта 1841 г.
№ 481
г. Омск

Господину исправляющему
должность Тобольского
гражданского губернатора

Согласно представлению вашего превосходительства от 10-го сего марта за № 1565, прошу вас, милостивый государь, сделать распоряжение о немедленном удалении Обдорского отдельного заседателя Соколова от настоящей должности, переместив на место его заседателя Курганского земского суда Тутолмина.

Генерал-губернатор Зап. Сибири, генерал-лейтенант князь Герчаков.
(л. 29).

7/IV. Черновик отношения ген.-губ. Зап. Сибири
Тоб. гражд. губ. о направлении дела Пиеттомина
и доставлении сведений

7 апреля 1841 г.
№ 1

Господину исправляющему
должность Тобольского
гражданского губернатора

Возвращая вашему превосходительству дело о возмущении инородцев Обдорского отделения, имею честь покорнейше просить вас, милостивый

государь, во 1-х, приказав списать с этого дела копию, препроводить его к г. дивизионному начальнику Гладышеву, для суждения Ваули Пиеттомина военным судом, а копию передать в подлежащее судебное место с тем, чтобы, по окончании дела как о захваченных с Пиеттоминами его сообщниках, так и о тех из них, к поимке которых уже сделано распоряжение, было оно, прежде всякого исполнения приговора о них, представлено ко мне и затем, не преследуя прочих из шайки Ваули, ограничиться строгим местным за ними наблюдением, во 2-х, инородцам Янте Мурзину и Сою: первому за то, что он отказался от предлагаемого ему Пиеттоминами места князя Тайишиа, способствовал поимке Ваули и спас самоеда, которого Ваули велел ушить, а второму за то, что он не гзирая ни на лстивые Ваули предложения, ни на жестокие от него побои, ни на самую опасность лишиться жизни, не согласился к нему присоединиться, выдать в награду каждому из них по сто пудов казенной ржаной муки; урядника Филиппа Шахова, избавившего исправника от явной опасности во время нападения на него вооруженного ножом инородца, Андрея Коккоулина и Монсея Надрина, с примерным усердием исполнивших при следственной комиссии свои обязанности, произвести: первого в пятидесятники, второго в урядники и третьего в старшие писаря; находившемуся при следственной комиссии толмачу Андрею Шахову и казакам, употребленным исправником для поимки Ваули и рассеяния его шайки, за отличное выполнение ими своего долга, изъять от меня совершенную благодарность, в 3-х, доставить мне верные сведения как о поведении березовского мещанина Нечаевского, способствовавшего поимке Ваули, так и о том, нет ли каких препятствий к исходатайствованию ему высочайшей награды и, наконец, в 4-х, по истребовании объяснений: а) от окружного и губернского судов о том, чем они руководствовались, приступая к суждению Пиеттомина и его товарищей без формального об их преступлении следствия и почему губернский суд в своем определении сказал, что преступники при следствии сознались в воровстве и грабеже, тогда как этого следствия вовсе производимо не было; б) от губернского правления, почему оно оставило Пиеттомина с товарищем в том же округе, в котором они производили грабежи, и не удалило их туда, откуда бы они не могли так легко перебраться на прежнее места их жительства и вдаться в новые преступления; и в) от Сургутского заседателя Шириева, почему он доносил земскому суду, что Пиеттомина и Вайтиц причислены в Нарчицкую волость и ее старшине предписано от него Шириева наблюдать, чтобы они не отлучались в прежнее свое жительство, тогда как по делу видно, что они, посылке их в Сургут, хотя и были причислены к упомянутой волости, но оставаясь до побега в самом Сургуте, занимались в работу у тамошнего мещанина Силина и следовательно волостной старшина вовсе не имел возможности за ними наблюдать—объяснения эти, по рассмотрении их в губернском совете, с его и вашим заключением, представить ко мне. «За успешное производство сего следствия прошу от моего имени объявить благодарность советнику Соколову и чиновнику Казачинскому».

Краткая выписка из дела комиссии,
учрежденной в Березовском крае о возмущении
иностранцев Обдорского края¹⁾

12-го января 1839 года Обдорской волости ясачный князь Иван Тайшин с самоедами и остяками, составя приговор о том, что самоеды сей же волости Ваули Пиеттомин и Магири Вайтин с их сообщниками, более семи лет, делают у них дневные грабежи, просили Обдорского заседателя Соколова представить Пиеттомина и Вайтина к высшему правительству для поступления с ними по законам и удаления их на поселение.

Пиеттомин и Вайтин сознались Соколову, что они человеками с 10-ю своих товарищей, быв вынуждены бедностью, единственно для собственного пропитания, точно обирали и грабили самоедов и остяков, никого не убивали.

После этого сознания, без всякого производства следствия, Березовский окружной суд полагал: наказав Пиеттомина и Вайтина кнутом, сослать на год на каторжную работу и потом оставить их на поселении. А губернский суд, приняв в уважение, что во 1-х преступники при следствии чистосердечно сознались в воровстве и грабеже, во 2-х, делали они воровства и грабежи для того, чтоб им и другим бедным самоедам не лишиться жизни, при неуроде зверя и невозможности по дальнему расстоянию мест их жительства быть в Обдорском отделении для взятия в долг муки; в 3-х, их роду свойственно незнание законов, преследующих воровство и грабежи, и наконец в 4-х, поступки их были, в продолжении 10 лет, терпимы, и общество желает токмо удалить их от себя,—на основании 105, 114, 129 пун. 1-го и 471 ст. 15 тома, определил: дав Пиеттомину и Вайтину, при полиции, по 20-ти ударов плетей, отдалить их, согласно с 64 статьею т.т. в другое место по распоряжению губернского начальства.

Приговор этот, утвержденный губернатором Талызиным, был пропущен губернским правлением в Березовский окружной суд, для надлежащего исполнения с тем, чтоб о переселении преступников было допесено к сведению Тобольской казенной палаты.

После сего Пиеттомин и Вайтин были при Березовской городской полиции наказаны плетью и, по распоряжению тамошнего окружного суда, отправлены к Сургутскому отдельному заседателю Ширияеву, который 10 июня его уведомил, что те самоеды причислены им (Ширияевым) в Парчинскую волость и ее старшине предписано наблюдать, чтобы они не отлучались в прежнее свое жительство и что об этом причислении доведено от него до сведения казенной палаты.

А 19 сентября 1839 же года Ширияев донес Березовскому земскому суду, что Пиеттомин и Вайтин на 28 августа бежали с места своего причисления, обокрав разных людей, и что хотя он отыскивал тех преступников, но в Сургутском отделении их не оказалось.

Когда же суду сделалось известно, что Пиеттомина и Вайтина видели плывшими в лодке к Обдорскому отделению, то суд 9 октября предписал тамошнему заседателю их поймать.

Между тем Пиеттомин сначала скрывался в разных местах, зани-

¹⁾ Заголовок подлинник.

маясь воровством, а потом, когда составил себе шайку, простиравшуюся на конец человек до 400 инородцев, стал покушаться и на значительные грабежи, распустил слухи, что он в Березовском крае понизит цены на все русские товары и даже отпускаемый из казны хлеб и что инородцы будут платить подати вместо двух песцов одного, назвался царем всей низовой стороны и посылал в Обдорск нарочного сказать, чтоб до его туда прибытия инородцы не смели вносить ясака, а купцы торговать и, за нарушение сего приказа, грозил строго с ними поступить. Этим Пьеттомин навел такой страх на Обдорских жителей и остяков, что каждый из них боялся быть убитым, или, по крайней мере, ограбленным.

Генерал-губернатор по получении от начальника Tobольской губернии известия как о возникших в Березовском крае беспорядках, так и о принятых к прекращению их мерах, немедленно предислал ему составить комиссию из советника губернского правления (начальником губернии назначен был в сию комиссию советник Соколов), адъютанта своего графа Толстого и чиновника особых поручений Tobольского общего губернского управления Казачинского для необходимых на месте произшествия распоряжений и узнавания причин беспорядков с тем, чтобы, по окончании ими следствия, находившийся уже под стражей Ваули Пьеттомин был предан военному суду; а господина военного министра, донося его сиятельству о своих по сему случаю распоряжениях, известил, что впоследствии представит ему, со своим мнением, дело о Пьеттомине и не преминет взыскать с виновных, назначивших сему преступнику с его товарищем, после их наказания, близкое к их родине место пребывания.

Господин военный министр на это отвечал, что государь император по всеподданнейшему докладу генерал-губернаторского рапорта о возникших в Березовском крае беспокойствах между остяками и самоедами и о принятых к их усмирению мерах, высочайше одобряя все по этому предмету распоряжения, изволил поручить генерал-губернатору войти в ближайшее рассмотрение: не подали ли повода к этим беспорядкам, кроме возмущений ссыльным Ваули, какие-либо притеснения, злоупотребления или наущения. Сообщая сию высочайшую волю, его сиятельство просил о последующем его уведомить, для доклада его величеству.

Учрежденная в Березовском краю комиссия окончила свои там занятия и из представленного ею дела оказывается следующее:

Пьеттомин с Вайттым по присылке их в Сургут, были причислены к Парчинской волости, но оставались до побега в самом Сургуте и занимались в работу у тамошнего мещанина Силина. Потом, когда возымели желание возвратиться к своим семействам, обокрали хозяина и бежали. По возвращении на родину Пьеттомин сначала уверял народ, что начальство назначило его главным старшиною над всеми инородцами Обдорского отделения, обманывал их шаманством и воровал; впоследствии, когда увеличилось народное к нему доверие, и шайка его усилилась, он стал грабить, делить награбленное со своими соучастниками, объявил себя царем низовой стороны, сменил двух самоедских старшин: Содому Ненекина за то, что он в 1839 году убил груд-

ного младенца *), родственника его Пиеттомина Танута, женившегося на невесте Ненекина, за которую и часть калыма была уже заплачена. а Надиги за его бедность, равно хотел сменить и князя Тайшину, который, как выше упомянуто, просил об удалении Пиеттомина на поселение, запрещал взнос в казну ясака, пришел в Обдорск с тем, чтобы цены на казенную муку и русские товары понизить, а на рухлядь возвысить, принудить князя Тайшину выдать из казенных магазинов муку: все, что можно найти у Тайшину и в Обдорске, по случаю начавшейся тогда ярмарки, ограбить, при малейшем тому сопротивлении действовать оружием и убить как князя Тайшину, так и заседателя с исправником.

Хотя слухи о грабежах Пиеттомина после побега его из Сургута начали доходить до Обдорска еще весной 1840 года чрез инородцев, приезжавших труда по своим надобностям, но тамошний заседатель Соколов, преданный всегданнему пьянству, не только не предпринимал никаких мер к прекращению тех грабежей, но когда из числа инородцев Япта Мурзин, в марте того года с несколькими другими, жалуюсь Соколову, что Пиеттомин ограбил у них олошей и всю годовую их пропорцию хлеба, просили дать им муки из магазина под ручательство, то Соколов, закричав на них, что это до него не касается, выгнал их от себя, и они принуждены были у одного мещанина брать муку в долг по дорогой цене. Таким образом Соколов прогнал от себя приезжавших к нему в декабре из ограбленных Пиеттоминим старшину Лабе Оленина и других человек 10-ть, которые извещали его, Соколова, что Пиеттомин продолжает грабежи и следует с своей шайкой к Обдорску. Соколов сделал тоже с Яптой Мурзиным, приезжавшим после того к нему через цеделя с тем же известием. А потому, как Япта, так и Лабе с прочими остались в Обдорске ожидать приезда исправника.

Исправник прибыв туда 1-го января и узнав о намерениях Пиеттомина, убеждал инородцев не страшиться разбойника и стараться его поймать, но когда заметил, что инородцы, страшая мщения и колдовства Пиеттомина, не осмелятся отказать ему в покорности, то по недостаточному количеству в Обдорске казаков, пригласил к общей защите русских, приехавших на ярмарку, и жителей Обдорска, поручил князю Тайшину и его родственнику Япте Мурзину**) видом покорности и готовности исполнять все требования, стараться заманить Пиеттомина в Обдорск, а постоянно живущего в Обдорске березовского мещанина Нечаевского убе-

*) Примечания подлинника. Об этом преступлении Содомы Ненекина, равно о том, что в пределах соседственного с Обдорским отделением Туруханского округа, ведомства старшины обитающих там самоедов Тирангула Морчика, у самоела Хиль-Морика Содомы жестоко избил жену Ерой и топтал ее ногами, за препятствование отлаче чего-то им требуемого, от каковых побоев она тогда же выкинула мертвого младенца, следственною комиссиею доведено до сведения начальника губернии, для надлежащего с его стороны в сем случае распоряжения.

**) Япте Мурзину Ваули еще до того несколько раз предлагал место князя Тайшину. Но он на то не согласился. И уже по приказанию исправника, чтобы удобнее обмануть Ваули, изложил притворное на то согласие. Сверх того по делу видно, что Мурзин спас одного самоедина, которого Ваули велел своей шайке убить.

нил, будто бы для торговли, съездить в те места, в которых Пиеттомин находился с своей шайкой, разведать об ее вооружении, предположениях и главных сообщниках и с тем вместе упросить Пиеттомина приехать в Обдорск для того, чтобы там его схватить, так как у исправника не было никаких средств сделать это на месте пребывания разбойничьей шайки.

Нечаевский, несмотря на свое одиночество, оставив все свои торговые дела, на собственных оленях, с незначительным числом товаров отправился в путь и в 150 верстах от Обдорска отыскал Пиеттомина человеками с двумястами его сообщников, который принял его, как старого своего знакомого. Нечаевский успел уверить Пиеттомина, что о нем в Обдорске давно забыли, и никто не думает его преследовать. Тогда Пиеттомин открыл ему свои замыслы на Обдорск. Нечаевский, соглашаясь с ним во всем, не показывая ни малейшего сомнения в его силе и власти, просил его приехать к нему в Обдорск, обещаясь его угостить, дать ему вина и даже подарить лучшей из оставшихся после отца вещью. По возвращении в Обдорск Нечаевский сообщил исправнику все виденное и слышанное им (Нечаевским) у Пиеттомина.

Пиеттомин въехал в Обдорск с 40 человеками самых отборных из толпы ему приверженных, прочим приказал понемногу подъезжать и часть оставил около хлебных магазинов, находящихся в версте от Обдорска. С 20 человеками, вооруженными одними ножами, вошел в юрту князя Тайшина; других 20 оставил при нартах, на которых под оленьими шкурами было оружие: луки со стрелами, шесты с копьями и несколько ружей. Этим 20 человекам Пиеттомин приказал быть на страже и, в случае нападения, стараться подать ему с товарищами оружие. В юрте князя Тайшина требовал себе от него и прочих дани и объявил князю смелую.

Между тем исправник вблизи той юрты, в неприметных местах поставил казаков и других приглашенных им к тому людей, сделал верные для поимки Пиеттомина и его сообщников распоряжения. Потом послал два раза просить его к себе в гости и, когда тот к нему не пошел, сам к нему явился с тем же приглашением. Внезапное появление исправника изумило и привело в смущение Пиеттомина и его сообщников. Исправник, воспользовавшись их смущением, взял Пиеттомина за руку и повел к себе. Пиеттомин, видя, что он обманут, хотел было бежать, но, по данному исправником знаку, был схвачен. Тогда некоторые из его последователей намеревались его освободить, но не успели. Один из них бросился было с ножом на исправника, но урядник Шахов, в ту минуту подбежав к нему, ударил злодея обнаженною саблею по руке, вышиб у него нож и тем избавил исправника от явной опасности лишиться жизни. В то же время приготовленные исправником люди, одни отнимали у выбегавших из юрты князя ножи, другие выхватывали из нарт Пиеттоминой толпы оружие, ломали его и разгоняли оленей с нартами, а прочно, по указанию Нечаевского, ловили злоумышленников и, посредством этих благоразумных мер, поимка главного разбойника и рассеяние его шайки обошлись без смертоубийства, спокойствие в Обдорске восстановлено, и инородцы, в благоговейном восторге, сделали угоднику божию Николаю на 300 рублей разных приношений.

Комиссия удостоверяет, что остатки и самоеды (в чем она убедилась после самых тщательных расспросов их по дороге от Березова до Обдор-

ска) совершенно довольны управлением земского начальства и хотя в частности были многими принесены жалобы*) на притеснения их заседателем Соколовым, на неудовлетворение законных их просьб и нанесение им безвинно побоев, но эти частные неудовольствия нисколько не были причиной временного успеха Пиеттомина, шайка которого была составлена большей частью из людей, не имеющих дневного пропитания, привлеченных к нему лестными обещаниями богатой добычи, шаманством и другими способами, чему доказательством может служить случившееся с самоедом Сой. Пиеттомин встретился с ним, когда шел к Обдорску, и зная, что Сой, как человек бойкой, может увлечь за собою несколько из своих собратьев, предложил ему сначала с ласкою, а потом с настойчивостью присоединиться к нему, но когда он на то не согласился, Пиеттомин жестоко его избил, вышиб ему передние зубы, приказал его убить, и этот несчастный обязан своим спасением сообщникам самого Ваули.

Начальник губернии, представляя генерал-губернатору дело о возмущении самоедов Обдорского отделения, доносит, что о поимке более виновных из них уже сделано распоряжение,**) и испрашивает разрешения, не преследуя остальных, ограничиться строжайшим за поведением их надзором, потому что:

Во 1-х, мирные инородцы просили не посылать к ним в кочевки вооруженных казаков.

Во 2-х, найти всех участвовавших в грабежах Ваули невозможно по отдаленной, неизвестной и очень раздробительной на пространстве нескольких тысяч верст кочевки их в тундрах и лесах.

И в 3-х, эти люди обольщены Пиеттоминым и преступны менее по своей воле, чем потому, что боялись послушаться его, как сильного, наглого и, по их понятиям, святого человека.

А прежде того Ладыженский, доводя до сведения генерал-губернатора о поимке Ваули, представил список людям, содействовавшим исправнику в поимке этого начальника шайки с тем, что не прикажет ли он (генерал-губернатор) изъявить особенной от его имени благодарности как тем людям, так и Обдорской казачьей команде. Об исправнике же он отозвался, что благоразумные, смелые и с некоторою опасностью жизни сопряженные его действия тем более достойны поощрения наградою, что этот чиновник, опытностию своею полезный для того отдаленного края, просил уже его ради детей, требующих учения, перевести его на другое место, но он убедил его для пользы службы повременить.

С подлинным верно:

Столоначальник (подпись).

(л. л. 35—46).

---

* Эти жалобы приняты Казачинским к общему его донесению по особому порученному ему обревизованию Березовского округа. Соколов удален уже от должности и об его поступках велено произвести следствие.

** Князь Тайшин обещает стараться доставить в руки правительства скрывшихся сообщников Ваули с тем, чтобы они были удалены из прежних мест их жительства.

Список людям, содействовавшим исправнику
Скорнякову в поимке Ваули Пиеттомнина

1. Отставной коллежский регистратор Николай Никитин, Города
Березова

2. Купецкий сын Константин Нижегородцев

3. Купец Степан Плеханов

4. Купец Андрей Трофимов с 10 человеками своих работников.

Мещане

5. Дмитрий Шапошников

6. Николай Нечаевский

7. Дмитрий Булыгин

8. Михаил Панаев

9. Николай } Сергеевы

10. Илья

11. Тобольский мещанин Алексей Мамеев

12. Пятидесятник Михайло Кокоулин

Урядники

13. Григорий Абалтин

14. Иван Шахов

15. Иван Клепиков

16. Филипп Шахов

17. Иван Ослопов

Казак

18. Игнатий Москвитин

19. Григорий Клепиков

20. Василий Фофанов

21. Алексей Козлов

22. Николай Стариков

23. Никифор Ямзин

24. Андрей Кокоулин

25. Яков Старков

26. Дмитрий Тарасов

27. Иван Первов

28. Никифор Ямзин

29. Яков Шахов

30. Ефим Сверчков

31. Андриан Протопопов.

(л. 53).

Краткая записка, составленная в Тобольском
губернском суде из дела о беспорядках
в Обдорском отделении, произведенных беглым
инородцем Ваули Пиеттоминым с сообщниками¹⁾

Обстоятельства дела этого следующие:

В журнальной записке, поставленной 1841 года, Березовский земский исправник Скорняков писал: по приезде его из Березова в Обдорск явился к нему инородческий Обдорский князь Иван Тайшин со многими инородцами и старшинами; осведомясь от них о малом начатии инородцами положения ясака, спросил он князя, почему не полагается до сего времени инородцами ясак, так как в прошедшие годы в оное время производился сбор его значительно? На что тот Тайшин объяснил, что извозные самоеды, хотя и следуют в Обдорск чумами своими не очень в дальнем расстоянии, и некоторые старшины их были даже в Обдорске, по удерживаются положением ясака по приказу самоедина Ваули Пиеттомина, который, присоединив к себе ватагу до полсотни или более человек и произведя грабежи у инородцев, обещал быть в Обдорск, и что некоторые старшины опасаются полагать прежде его ясак, по угрозам его, отнятием у них после сего оленей. Сверх сего он, Тайшин, присовокупил, что он, ожидая прибытия его, исправника, в Обдорск, посылал своего ясачного остяка Инту Мурзина в необитаемую тундру звать его, Ваули Пиеттомина, к себе в Обдорск, и он, кочуя чумами или шалашами, обещался быть непременно в Обдорск. Так как Ваули Пиеттомин, бывший судим и наказан за преступление по приговору судебного места плетью с поселением в 1839 году в Сургутское отделение, откуда бежал, то, почитая обещание Пиеттомина быть в Обдорске невероподобным, как опытного по прежней поимке его за преступление, им сделанные, пужным почем тогда же собрать некоторых старшин в ясачную, погудить их к положению ясака в присутствии своем с уверением их, что Ваули Пиеттомин никакого вреда делать им не может, в каковой дежь и положено ими в ясак до 40 песцов. За сим сказал князю, дабы он еще послал тайно для узнания действий и намерений Пиеттомина в тундру; между тем и предположено было г. исправником без огласки послать в тундру к Ваули Пиеттомину опытного и надежного человека из русских под видом торговли разведать случайно: будет ли он, Ваули, в Обдорск, просить его сюда, осмотреть все имеемое при нем и его действия с узнанием сообщников, орудия при нем и всей ватаги, им приобретенной.

Для выполнения всего этого исправник избрал находящегося в Обдорске березовского мещанина Николая Нечаевского, как известного по его благонадежности и усердию. К каковому разведыванию исправник пошел удобным употребить Нечаевского и потому более, что он знает по-самоедски лучше прочих, знаком Ваули Пиеттомину по прежним торговым связям с ним покойного отца Нечаевского. Без собрания же означенных сведений исправник не мог приступить ни к каким мерам для схвачения Пиеттомина, сколько по чрезвычайной отдаленности местонахождения его от Обдорска на таковом пространстве неизвестной тундры или степи.

¹⁾ Заголовок подлинника.

столько же и по малочисленности полицейских служителей, коих в Обдорске с вахтерами запасных магазинцов только 7 человек, а потому и заключил земский исправник сделать подлежащее распоряжение и по возвращении Нечаевского донести г. начальнику губернии.

Г. березовский земский исправник рапортом от 14 января № 12 донес господину исправляющему должность гражданского губернатора со словесного объявления князя Тайшпина, что низовые самоеды, хотя следуют сюда не очень в дальнем расстоянии, и некоторые старшины их были в Обдорске, но удерживаются от положения ясака по заказу бунтовщика Пиеттомина. Далее г. исправник объясняет в рапорте своем те же обстоятельства, какие видно в вышеописанной журнальной его записке. За сим дано от него предписание уряднику Шахову с имеющимися там 4 казаками, князю Тайшпину и Обдорскому отдельному заседателю собрать опытных обитателей, отправиться туда, где он, Ваули, находится, взять его благоразумными мерами под стражу с посылкой в город Березов. По каковому действию желал следовать туда и сам он, по поездке туда князем Тайшпиным и старшинами отвлечена немением дорог, дальним расстоянием и переменных оленей, да и невозможностью поймать его по быстроте имеемых у него оленей и ограждением себя всегдашнею осторожностью. Между тем без огласки посылаемый к Пиеттомину о подробном о нем разведывании, возвратясь, объяснил, что означенный Пиеттомин имел у себя подобранную орду самоедцев, до 400 чел. простирающихся, и, будучи вооружены винтовками и стрелами, подъехал с ними ближе к Обдорску и остановился чумами в 25 верстах расстоянием, на тех местах, где проходят самоеды в Обдорск для положения ясака, с преграждением путей им. При сем же от него г. исправника с посланным был и князец Тайшпин с 13 старшинами остяцкими и самоедскими, которые, равно и сам Тайшпин, подходя к нему, Пиеттомину, с уважением целовали у него руки, о чем рассказывал ему и сам князец с тем, что он это делал не из подобострастия, а ездил к нему по зову самого его, и он, Пиеттомин, требовал от него и всех старшин собрать и доставить, как можно более, к нему оленей, обещался быть в Обдорске завтрашнего числа. Он—г. исправник по долгу звания своего предпринимал меры к поимке того Пиеттомина с обдорскими обитателями без настоящего орудия, сообщил березовскому управляющему казачьею командою, дабы он, в помощь и ограждение обитателей и в предупреждение могущих быть опасных последствий, прислал в Обдорск вооруженных казаков хотя до 25 человек.

Г. березовский земский исправник при предложении от 14 января за № 13 препроводил бежавших с поселения самоедов: Ваули Пиеттомина. Хозяина Сатина, Хозаули Паутина, заключающихся в грабежах у инородцев, в возмущении к отдаче ясака и прочего, предложил земскому суду отобрать от них на законном основании показания, отослать для содержания в остроге, ибо они отяты от народа с оружием, подговоренного к грабежу и принеженных в Обдорск более 300 человек, с коими управы была значительна и теперь с ними происходит, из коих первый назвался царем, сменил уже князя и некоторых старшин, которые не смели и объявлять о поимке же их донесено г. начальнику губернии.

Еще г. исправник таковым же земскому суду от 15 января № 15 предложил, дабы не отнят был у караульных в Обдорске возмутитель ти-

нины и спокойствия беглый самоедин Ваули Пиеттомин и два сообщника в грабеже самоедов же Хозали Сатин и Хозаули Паутин народом обольщенным шаманством того Ваули, он долгом своим почел отправить их тотчас, при удобном случае, в земский суд за караулом для крепчайшего содержания в остроге от 14 числа при предложении без отобрания показаний, а сего числа от таковых же двух Тьюиана Топкина и Лазерина, записавшихся единственно грабительством, отобрав показания, препроводил их с оным в земский суд, предложил отослать и сих людей для содержания, если еще не отобраны от первых трех показания, содержать их порознь.

На заданные вопросы земским исправником нижеписанные люди ответствовали:

Князь Иван Тайшин: в последних числах декабря месяца истекшего 1840 года, по случаю неявки в настоящее время к положению ясака старшин и самоедов, послал он, Тайшин, в необитаемую тундру или степь ясадного остяка Япту Мурзина разведать о причине медленного их хода, который при обращении объявил, что низовые самоеды удерживаются ходом от беглого самоедина Ваули Пиеттомина и приказанием им не класть ясака; присоединивши он, Ваули, к себе прежде бывшую у него ватагу и многих других самоедцов, разглашая, что они должны ясак платить только по одному песцу, а не по два, что с них взыскивают излишнее, равно и за казенную муку платить деньги не должны, между тем, он, Ваули, через приверженцев своих отгоняет у самоедцов, сколько ему угодно, оленей, показывая им шаманство или колдовство свое, и сам ол. Ваули, с ватагой своей идет в Обдорск, чрез что некоторые старшины опасаются положить прежде прибытия его в Обдорск ясак по угрозам его отнятием у них всех оленей. После сего того же Мурзина послал он еще навстречу к нему, Ваули, узнать о его действиях, Ваули же, увидавшись с Мурзиным, заказывал с оным сказать князю, дабы он до присзду его ясак не принимал и торговцы чтоб никто не торговали, и говорил, что когда он придет, тогда прикажет как ясак принимать и у торговцев на муку и хлеб положит цену, в противном же случае, чтобы от него хорошего не ожидали при том же Мурзин ему объявил, что он, Ваули, будучи вооружен отпечным и кинжальным оружием с присовокупленным народом до 400 человек, которые вооруженные следуют к Обдорску ближе, о чем он объявил тогда отдельному заседателю и земскому исправнику, поймать его тогда никак было невозможно. За сим, по приближении его, Ваули, к Обдорску, за 100 верст примерно, послал он Ваули за князем самоедина Салы Ялтына, звал к себе, на каковой зов он с некоторыми старшинами поехал к нему, доезжая до чума Япту Мурзина, примерно от Обдорска в 25 верстах, где находилось народу до 300 человек, съехавшихся с разных мест и дожидают туда присзда Ваули, и он только мог подъехать к оной толпе, куда и приехал Ваули со многочисленным народом и с мещанином Нечаевским, остановился у чума, потребовал его к себе, сам сидя на санках, и он, Тайшин, подъехал к нему, встал с санок и кланялся ему, но он начал его ругать всячески, почему он жаловался на него в грабеже и просил сослать его на поселение, и хотел его, Тайшина, за то бить оленьим рогом и пришедши в великий азарт, но, по убеждению мещанина Нечаевского, несколько он, Ваули, себя скоротил, он, Тайшин, просил у него, Ваули,

в том прощения, кланяясь ему, и целовал у него руку, и он при том сказал ему, Тайшину, что он будет смеиц им с княжества остяком Яптою Мурзиним за непослушание его к нему, Ваули; он, Тайшин, повинуясь ему, обещался ему уступить свое княжество, с обещанием, что если требуется что им будет, то все исполнено будет, но только по свидании с прочими старшинами, причем он звал его к себе в гости, где может решиться и в даче ему оленей или требуемой ему данн. Побывши же он, Тайшин, тут, примерно, часов пять, и с позволения его поехал обратно с мешанином Нечаевским и старшиной Лявой Ендыревым.

На другой же день он, Ваули, подъехав к Обдорску со многочисленным народом, остановясь близ казенных магазинов, послал за им, по приезде же со старшинами сначала обошелся с ним грубо и кричал ему, почему прежде не встретил, и тут вторично ему назначил смецу, говорил ему, если не уступит княжество свое, то хотел воротиться назад, но он, уверяя его в том, при том же обещал ему со старшинами требуемых им оленей и просил его к себе в избу в гости, на что он и согласился. Подъезжая к его, Тайшина, избе, вошел в оную со своим народом и начал расспрашивать у него: кто какой старшина? сколько положил ясак? Потом начал требовать у всех старшин оленей от 100 до 500 у каждого, также и песлов, а у него требовал муки до 300 пуд. И все ему обещали, что он требовал, яритом приходили к нему русские и звали его к исправнику в гости, но он не пошел. Потом пришел заседатель, тоже звал его к исправнику, но он ему никакой чести не отдал, промолчал. Вслед за тем пришел и сам г. исправник, и он, Ваули, оробевши, стал на ноги. Исправник же ему сначала говорил: почему он ослушается? Потом взял его за руку и повел из избы. Приверженцы его, Ваули, самоедцы, кинулись его отнимать: тогда по команде от исправника началось казаками и жителями Обдорска с оными самоедами сражение; он же, Тайшин, испугавшись того сражения, и чтобы ему чего не последовало от тех самоедцев, с некоторыми остяками старшинами убежал и спрятался. И как кончилось оное сражение, он не видал. Во время же брожения его, Ваули Пиеттомпина, было им ограблено в 1840 году и ему объявлено: у самоедов Лаба Аеки 140 оленей и две старшинные доставившиеся от предков его кольчуги; у Хилиди Паседина—102 оленя, у брата его Ханзюру Паседина—220 оленей, у Надынского остяка—Тыяды—50 оленей, у Япты Мурзина—15 оленей, у вайт-важского остяка Езика Томачева—50 оленей, у обдорского остяка Огама Юркина—три оленя, три пуда муки, семь сажен моржового ремня, три упряжки ремешные, табуку два и пороху два же фунта, а сколько было жалоб в 1839 году, равно и мелочных грабежей и в 1840 г. им, Ваулей, с товарищами чинимых, упомянуть по неимению письменводства не может.

Ляу Ендырев Паия: действительно он ездил с князем Тайшиним к самоедину Ваули Пиеттомпину, подъезжая они к юрте остяка Япту Мурзина, где находилось множество самоедов, съехавшихся с разных мест и ожидающих тут приезде Ваули, где и они остановились, но в скором времени приехавши туда Ваули с мешанином Нечаевским и с большим количеством самоедов его ватаги, остановясь у чума, потребовал к себе князя; подъехавши же к нему, князь сошел с санок и сделал ему Ваули своим поклонением честь, но Ваули начал его ругать и называл собакой за то, что он князь его отдал за грабежи под суд, держа в руках олений

рог и хотел им бить князя, но мещанин Нечаевский до сего не допустил. уговорил, и он послушал его, оставил свою горячность, и князь просил у него прощение и целовал у него руку, равно и он Пани и прочие с ними приехавшие кланялись ему и целовали у него руки, единственно из по добострастия. Между тем говорил он, Ваули, что он непременно за непослушание к нему его князя сменит остяком Янты, и князь, повинувшись ему, обещал уступить ему свое княжество и обещался все его приказания и требования исполнять. Пробыв же они тут, примерно, до пяти часов, с позволения его с князем и мещанином Нечаевским поехали обратно, а он на другой день непременно обещал быть в Обдорск.

Березовский мещанин Николай Нечаевский: 8 числа генваря, по призыву господина исправника, приехавши он тайно на оленях для узнания обстоятельств по предмету пародного возмущения и разведывания о при перженцах возмутителя в походные самоедские чумы, состоящие примерно за 150 верст, к знакомому прежде еще покойному родителю его старшине Ваули Пнеттомину под видом торговли с товаром, который принял его ласково, расспрашивал, что говорят про него и не ищут ли его и не жаловался ли начальству князь и старшины в грабеже им скота и прочего, кладут ли ясак инородцы или нет, причем сказывал, что он заказал князю, дабы без него ясак собираем не был и купцы или торговцы в ярмарку в амбарах не торговали и что он подъедет к Обдорску, установит цены муке и прочим потребностям. Он же, Нечаевский, уверял его, Ваулю, в забытии начальством об его поступках, просил к себе в гости по дружбе старшой родителя, с обещанием подарков из оставшихся от родителя своего вещей и вина, если ему угодно будет, и он, обещаясь быть, потом поехал с ним Нечаевским и прочим пародом его ватаги, на санках ближе к Обдорску и остановились у стоящих трех чумов остяка Янты Мурзина, расстоянием от Обдорска в 25 верстах. Тут застали князя, старшину Ляву Ендырева и множество народа самоедского и остяцкого съехавшихся с разных мест, дожидającychся туда приезда Ваули. Ваули же, сидя на санках, потребовал к себе князя, по приближении оного, сей последний сошедши с санок и подходя к Ваули, кланялся. Он же начал его ругать и называть собакой за то, что он просил на него прежде в грабеже оленей и сослал его за то на поселение; пришедши в азарт, хотел бить имеемым при нем оленьим рогом. Нечаевский же, дабы Ваули не убил князя, вынужденным нашелся его уговаривать от сих дерзких поступков, который горячность свою и оставил. Князь же, испугавшись, просил у него прощения, кланяясь, и целовал у него руки. Между тем Ваули говорил Нечаевскому, что он непременно переменит князя остяком Янту Мурзиним, по непослушаниям его к нему. Князь же и старшина Лява, повинувшись и испросив у него прощение, обещали все это исполнить, что он потребует, только по свидании с прочими старшинами, причем князь звал его в гости к себе, где могут решиться и в даче ему требуемой дани от всех старшин. В каковом месте он, Нечаевский, побывши до 5 часов, отправился на легких санках вместе с князем и старшиной Лявой Ендыревым в Обдорск; приверженцев же Ваули, участвовавших с ним в грабеже, он тут заметил: брат его Тогомнал Топкин, он же Пнеттомин, Хазахи Санц, Саню Ванутин, Хазаума Паумин и Лазарюма. во всей его ватаге до 100 человек и ближе к Обдорску кочуют в чумах

до 200 человек, подведомственных к нему, ожидающих его. По приезде же в Обдорск Нечаевский объявил его разведение и при поимке оных самоседцев, по известности ему, указывал, кого надобно поймать.

Остий Япта Мурзин пояснил согласно с ответом князя Ивана Тайшпа.

Самоедин Сали Ямин: бродяжа своим чумом, которым шедши он Ямин к положению ясака в Обдорск и дошедши до чумов (нашел) множество наставленных Ваули Пнеттомина, где был также остяк Япту Мурзин, и он со своим чумом близь оных чумов тоже остановился. Ваули начал посылать тогда помянутого Мурзина в Обдорск за князем, а Мурзин послал за оным его, Ямина, по которого он на легких санках съезжил в полтора суток. На другой же день по приближении Ваули с несколькими чумами ближе к Обдорску, остановился примерно от Обдорска в 23 верстах, посылал его, Ямина, в Обдорск по причине знания русского разговора разведывать и выслушивать у русских, что о нем, Ваули, говорят в Обдорске, но он Ямин был в нескольких домах с прочими самоедками и ничего об нем не слышал, и с тем возвратился к нему обратно. За сим Ваули пригласил Ямина ехать с собою в Обдорск, взявши с собою много количество народа (и) на легких санках отправились в Обдорск. Подъехавши к Обдорску, он, Ваули, приказал остановиться близь казенных магазинов, послал его за князем, который вскоре и приехал. Постанов своих оленей, подошел к Ваули с учтивостью, долгое время имели разговор, потом поехали в Обдорск к избе князя; по прибытии же в избу был Ваули с некоторыми самоедками угощаем от князя мерзлой сырой осетриной. В то же время приходили посланные от исправника и просили его, Ваули, в гости, но он не пошел, а занялся требованием себе у старшин и богатых самоедов оленного скота, песцов и муки и спрашивал, сколько какой старшина положил асаку. За сим прибыл заседатель обдорский, кланялся ему и звал в гости к исправнику, но он тоже идти отказывался.

Вслед за тем пришел и сам исправник, испугал его зовом своим к себе, взяв за руку, вывел из юрты; по выходе из юрты он рванулся к санкам или оленям, спрашивал, где олени. В то же время казаки загремели саблями, а другие русские взялись за него и понесли. Когда же великое множество приверженцев самоедцев к Ваули кинулись к отнятию, тогда началась по команде драка, и он со многими утащен к исправнику, где и связан; он же, Ямин, драки не делал и приверженцем к Ваули не был.

Старшина Хайда Пнеттомин, бывший старшиной, после того выбран был Ваули Пнеттомин,—кочуя с своим чумом в разных местах только не близь Ваули, назад тому дней 10 присоединился он к ватаге Ваули своим чумом, шел к Обдорску с ним, уговаривая его идти в Обдорск к положению ясака. И шедши с тем до Обдорска, примерно верст с двести, никаких он тогда грабежей при нем не делал, а по приближении их к Обдорску приехал к Ваули березовский мещанин Николай Нечаевский. обходился с ним дружески и звал его к себе в гости. И он, Ваули, ему обещался приехать. После того, еще ближе подошедши к Обдорску, послал он, Ваули, самоедина за князем, который и приезжал к нему с подобострастием, кланялся ему и целовал у него руки и уважая его за мудрость шаманства, а по величайшей толпе у него народа он сказывал—

ся, что произвели его великим человеком, приказывал князю не собирать до его ясак, пока не придет он в Обдорск, с чем князь и воротился. На другой же день со многим количеством народа Ваули поехал в Обдорск, остановился близ хлебных магазинов. И по его зову приехал тут князь, и он, Ваули, на него кричал с огорчением, почему он ранее его не встретил, и назначил ему смену, определил на место его быть князем остатка Япту Мурзина, а если он не уступит княжеское свое звание другому, то хотел воротиться назад, и князь, уступая свое звание, между тем со старшинами обещал ему оленей, согласился он, Ваули, ехать в юрту князя, где требовал у старшин по 300 и по 500 олень и песцов с тем, чтоб привели сами к нему, где он будет находиться, а у князя требовал муки, которые и обещали. Когда же пришел в юрту заседатель звать его к исправнику в гости, то он, Ваули, не отдавал ему чести никакой, промолчал сидя, а вслед за ним прибыл с русскими исправник, и он соскочил с робостью с места своего и, по выводе его исправником из юрты, началась по противности его идти к исправнику, равно и приступу приверженных к Ваули самоедцев, драка, и посажен он Хайда под караул и дрался ли, по случаю данной чем-то по голове ему раны, не помнит, грабежей с Ваули не делал и приверженцем к ему не был.

Самоедип Ервы-Лый, ватаги старшины Язовая, у коего и ныне находится самоедин Слев: по приближении его к Обдорску остановился он чумом, откуда на легких санках поехал в Обдорск. По въезде в оный остановился у избы князя, и сидевши на санках, смотрел на находящуюся тут толпу самоедцев ватаги Ваулиной, в то же время по выходе Ваули сделалась драка и сражение, по случаю отнимания самоедцами Ваули у русских, и при поимке русскими самоедцев был схвачен и он ответчик, связан и отведен под караул; драки же он никакой не производил, и кто дрался с русскими, он не заметил, ножик имел на поясу, который вынут кем, или самим потерял, не знает.

Самоедин Сирта Ломбаида, низовой стороны старшины бывшего Ензеру и потом находился у Ваули, приехавши в Обдорск из своего чума для покупки себе хлеба и подъехав к юрте князя, сидевши на санках, смотрел на находящуюся тут толпу самоедцев Ваулиной ватаги; потом вошедши в юрту князя, но вдруг взбунтовались все самоедцы отнятием Ваули от русских, и при поимке русскими самоедцев был и он Ломбаида схвачен и отведен под стражу, драки же он никакой не производил, и кто дрался из самоедцев, не заметил.

Самоедин Готта Выньпад: шедши с матерью и братом своим в Обдорск для положения ясака, остановился своим чумом вблизи чумов ватаги Ваулиной, куда приехавши к ним Ваули на легких санках, приостановясь, увидя его, Выньпада, говорил, почему он не явился к нему, и кулаком ударил по зубам, сибиб тем зубы из места, почему он чувствует и впоследствии в них боль, и звал Ваули его к себе в ватагу, он на сие не согласился. И приехавши в Обдорск для положения ясака, по по случаю нахождения старшины своего у князя в избе, едва только успел он войти в избу к князю, вдруг случилось сражение чрез отнятие самоедцами у русских Ваули, но он, пимало не дравшись, тоже был взят под стражу, с Ваули он никакого сообщения не имел.

Прибывшие с претензиями своими на самоедина Ваули Пиеттомина в грабеже им с сообщниками оленей и прочего, показали:

Старшина Каменной стороны Месали Низя: прошлого 1839 и 1840 г. приезжал к оленному своему стаду самоедин Хонзали Санни с пятью человеками, отгонял от его стада 400 оленей к себе, о чем он Низя объявил тогда князю.

Самоедский старшина Селипта Пуйков: прошлого 1840 года, весной самоедин Хонзали Санни с 8 человеками приезжал к стаду его, отогнал насильно 80 оленей, о чем он тогда объявил князю, но найти его после того не могли.

Старшина Каменной стороны Халида Паседни: прошлого 1840 года приезжал самоедин Ваули Пиеттомин со своей ватагой до 50 человек к нему к чуму, и приказал своей ватаге отогнать у него из стада к себе 102 оленя, и у брата его Ханзюры Паседина 220 оленей, которых, отгнавши, угнали невозвратно, о чем он объявил князю.

Самоедин Ханзюра Паседин показал согласно с братом своим Пасединым.

Самоедский старшина Каменной стороны роду Вапутты Майха Хыкин: в прошлом 1840 году весной, приехавши к нему самоедин Хонзали Санни, с братом и тремя самоедцами ватаги Ваулиной, ограбил у него ящик с бумагами, принадлежащими старшине, и обратно не возвращал.

Самоедский старшина роду Ванюты Мензед Музин: в 1839 и 1840 годах в зимнее время, приезжавши к нему к чуму самоедцы Ваули Пиеттомин и Хонзали Санни, отогнали у него насильно из стада 100 оленей, о чем он объявлял тогда князю.

Ясашный остяк Ендыревых юрт Огам Юркин: действительно в 1840 году в феврале месяце был со своим скотом и чумом для промысла зверя в тундре: приехавши к нему в чуму самоедин Салю Лазарева с тремя своими сыновьями и пятью самоедцами, поймали у него из стада 3 оленя, вынул из нарты 3 пуда муки, 7 сажень ремня, 3 упряжки оленьи, 2 фунта табаку и 2 фунта пороху, всего примерно на 50 руб.; хотя он и усиливался в печале опого, но они увезли насильно, о чем он объявлял князю.

Ясашный остяк Вайтважских юрт Езек Томачев: прошлого 1840 года весной он был в тундре с своим чумом и скотом для промыслу; приехавши к нему в чуму Ваули Пиеттомин с братом своим и несколькими людьми его ватаги, отогнали у него из стада 30 оленей и угнали к себе. после того дней с пять прислали к нему 10 человек самоедцев его же Ваули ватаги и насильно тоже отогнали 20 оленей; хотя он и не отдал, но они угнали и говорили ему, что по приказанию Ваули они приезжали, о чем он тогда же объявил князю.

Нижеписанные люди в присутствии Березовского земского суда спрашиваны и показали:

Самоедин Ваули Пиеттомин: назад тому 2 года был предан (суду) за грабеж у инородцев оленного скота и по решению наказан плетью, сослан в Сургутское отделение по волости Парчинской на поселение, находился на месте причисления месяца два, проживал перво у русского, занимался невотбою из одного пропитания, побег сделал с товарищем своим с места поселения по невежеству, боявшись, чтоб их не отослали

далее при побеге украл съестных припасов, лодку, лук со стрелами, нож и топор у неизвестного ему русского, прибыл к своему семейству. В пути же смертоубийства и насилия не чинил. По прибытии его на место, присоединились к нему, как прежде бывшему старшине, многие самоедцы, и впоследствии времени приверженцы его усилились, и он начал производить грабежи, называя себя большим старшиною. В положении ясака делал преграду посредством остяка Янты Мурзина, который просил Ваули о производстве в князья. За сим Пиеттомин в прочих частях показал согласно князю Тайшину, присовокупил, что главным сообщником его был брат Тогомпада, а прочие были под его распоряжением и властью, а часть брата его Тогомпада, Хатаумине, Паулин, захвачен со стороны приехавшей к нему положить ясак.

Самоедин Меньчода (а не Хонзова) Самин: ясаку от роду своего не платил по случаю бедности, бродяжа по низовым местам для пропитания себя с семейством, чинил кражи оленей из стад неизвестных ему людей. К самоедину Ваули Пиеттомину присоединился назад тому другой год на тундре, тогда как он пришел из Сургута, сказав, что с поселения отпущен; более он пристал к нему, Ваули, потому, что он обещался за него класть ясак, и что он сделал покражу 60 оленей у старшины Манли; находясь у Ваули, делал он с прочими приверженцами грабеж у разных людей, которых он не знает, (число) ограбленного количества оленей простиралось до 200, другого ничего не грабили, смертоубийства не производили. Запрещал ли Ваули класть ясак, не знает. Слышал от него, что он князя сменил, а о смеле старшин не слышал; орудия он, кроме оленьего песта с витиею или копьем и ножа, не имел, а у прочих находилось. Князь был у Ваули со старшинами, кланялись и целовали руки, и у князя просил муки и оленей, который при сем и был смелен. Приверженцев Ваули было до 150 человек, впоследствии приверженцев к нему более увеличилось по причине, что он большой старшина и уважаем чрез опасность по ворожбе его, и все приказания его были выполняемы. С каким намерением Ваули приехал к Обдорску, он не знает, где с прочими при зашищении Ваули был схвачен.

Самоедин Хазаули Падумин: был при Вауле со своим чумом, в грабеже с ним не участвовал, по приказанию его с прочими приверженцами подъехал к Обдорску, но в каком количестве их было, не знает. Хотел ли он, Ваули, класть ясак и какое он имел намерение по прибытии к Обдорску, он не знает, где с прочими был схвачен.

Тогомпада Пиеттомин: Ваули по прибытии к нему застал у него 20 прежних своих оленей, с которыми воровали и отгоняли вместе, но у кого не знает, многое количество оленей для прокормления семейства и ватаги 100 человек; остается до ста оленей при трех его женах, оставшихся в чуму нераздельно. Прочие же обстоятельства из показаний его сходны с ответами мешанина Нечасевского и князя Тайшина. При сем Тогомпада объяснил, что стрелы и лук, найденные в его санках, имелись у него с самой осени, оленьей пест с острым копьем имел для зверей. у юрты же князя при поимке защищался ножом; кроме висевшего на поясу и вынутого русскими, имел внизу под малицей на случай потери опого, более же ничего не знает, убийств, кроме битья, не делал.

Саму Лазарим: по родству жены своей с Ваули Пиеттоминным присо-

единился к его ватаге, воровали и грабили оленей у разных инородцев, потом вознамерились приблизиться к Обдорску для набранья у проезжающих ясака и оленей, присоединя к себе вместе с ними и людей, количество коих он не знает. В это время князь со старшинами и множество самоедцев прибыли к Ваули и с подобострастьем обещали дать ему оленей в скором времени. Но хотел ли взять Ваули из магазинных казенной муки до 500 пуд, он не слышал; отнимал Ваули от взятия под стражу и защищался от русских, по приказанию его, Ваули, имевшей при себе нож, потерял при драке; что же касается до переговоров каких-либо с князем и сражения, то об этом более знает сын, находившийся телохранителем, а ему ничего неизвестно.

В отобранной сказке 19 числа гелваря 1841 года самоедские Низовой и Раженной сторон старшины и прочие самоедцы и остяки объяснили, что в отобранных от них показаниях обличают самоедцев Ваули Пиеттомина, Хазали Санина, Тогомпаду Толкина, Сану Лазерума и Хазуму Паумина в чинимых ими грабежах и отогнании у них оленей, но не имеют посторонних в том свидетелей, ибо они всегда бродяжили по тундре с чумами со своим скотом, на разных местах, каждый со своим семейством порознь, а в подкрепление их показаний сим утверждают, что всегда они вышеозначенных самоедцев видели в грабеже, в чем они ссылаются и на посторонних инородцев, которые сие и подтвердили.

Повальным обыском старшины Неба Яуров с товарищами поведение Ваули Пиеттомина, Хонзали Санина, Тогомпаду Толкина, Сану Лазерума каждый порознь по приводе к жертве, не одобряет, так как они всегда занимались грабежами и воровствами, у которых и находили неоднократно оленьи шкуры своих пятен с украденных своих оленей, что подтвердил и князь Тайцзин, просят тех бунтовщиков из ссылки к ним не обращаться, как вредных и неблагонадежных людей, а Ханзауму Паумина, если благоугодно будет начальству обратиться, примут в свое общество.

Березовский 3 гильдин купец Андрей Трофимов пояснил: по случаю возмущения инородцев Пиеттоминым, по деланным им грабежам с присовокупленной к себе ватагой, г. земским исправником, квартировавшим в его доме, князем со старшинами остятскими и самоедскими составлен был совет, при котором он, Трофимов, был толмачем. По всем убеждениям инородцы не соглашались поймать Пиеттомина, опасаясь, по суеверию своему, его шаманства и колдовства, и решили во всем ему повиноваться. Но как известно сделалось через мешанина. Нечаевского, что Ваули приближается к Обдорску с вооруженною шайкою, состоящею почти из 300 человек, решился он, Трофимов, секретно, с согласия исправника, по малости в Обдорске казаков и по неимению надлежащего вооружения, присогласить русских, приехавших на ярмарку, и жителей Обдорска, также отставных казаков и уволенных в отпуск начальством, которые и были по возможности вооружены. По прибытии Ваули в Обдорск и по выходе его с исправником из занимаемой ими избы, он был схвачен и обезоружен, приверженцы же Ваули кинулись для отнятия его, в это время началось с обеих сторон сражение, а он, Ваули, по повелению исправника, унесен на руках в квартиру, куда также приведены и другие бунтовщики, из коих двое главных и сам Ваули в то же время были отправлены в город с конвоем. А на третий день на том месте, где про-

исходило сражение, отслужен господу богу благодарственный молебен, и все самоедские старшины жертвовали святому Николаю чудотворцу, особенно ими почитаемому, звериными шкурами на триста рублей ассигнациями. Действовали в прекращении бунта следующие: березовский купецкий сын Константин Нижегородцев и купец Степан Плеханов; мещане: Дмитрий Шапошников, Николай Нечаевский, Дмитрий Булыгин, Михайло Панаев, Николай и Илья Сергеевы, тобольский мещанин Алексей Мамсеев, отставной коллежский регистратор Николай Никитин и сам он, Трофимов, со своими рабочими 10 человеками.

Февраля 4 дня 1841 года, в присутствии Березовского окружного суда самоедцы: Менчеда Сангин, Ханзайей Паулин, Тогомпада Топкин, Сани Лазарумин подтвердительными опросами утвердили свои показания без перемены.

На данные комиссиею 20 февраля опросы нижеследующие самоедцы ответствовали:

Ваули Пнеттомин: что в грабеже участвовал брат его Тогомпада, а главными сообщниками были ватаги старшины Хандея Непокина двоюродного брата его, сам он и самоедцы Пасума, дядя его Моттий Таск, Аный Таргмдера, Хыму Пенки, прочих же товарищей имен не припомнит.

Самоедец Тогомпада Топкин: что Ваули Пнеттомин не родной брат ему, но двоюродный, участвовал с ним в 1839 г. в грабежах, и посылке Ваули в Сургутский край, он пропитывал его семейство, не зная о настоящем его местонахождении, также вместе с Ваули был сослан и товарищ его Мыгри Ходин. По прибытии Ваули сказывал ему, что он бежал из Сургута, а не возвращен правительством, товарищ же его Мыгра отстал от него близ Обдорска, который впоследствии присоединился к ним с 10 человеками. Соединясь с ними, продолжали грабить успешно, чему способствовала ему хитрость брата, который, будучи за два года до переселения своего старшиною, имел много приверженных себе, привлекая на свою сторону еще человек до 40, и они грабили успешно, но у кого именно, не упомянет. В одном месте отбили они у остяка Хабн две кольчуги, которые находятся у брата его Ваули. Кроме назначения грабить, он никаких намерений не знал. Главные сообщники шайки их были: Мыгри Ходин, Сани Вапютин, сын его Мепзеда Санин и двоюродный брат Ваули Ханди и Полума Ненянгин, других же не упомянет. Орудия их составляло у всех вообще лук со стрелами, шест с копьем, кони погоняют оленей, а у некоторых имелись ружья для звериной охоты, порох и пули, но оружие это не употреблялось в действие; и по многолюдству их шайки они успевали в грабежах без всякого сопротивления. Во все продолжение времени Ваули называл себя в народе великим старшиною этой страны и повелителем, но называл ли себя царем, он не слыхал. О производимых же ими кражах и грабежах знали все старшины тех улусов, через кои они проходили, но не имели в оных с ними участия, если же они и не доводили о действиях их до сведения начальству, то потому, что удерживались страхом, боясь мщения от Ваули. Главный же старшина Обдорский князь Тайпин, как он слышал, знал от них о их действиях с самого начала, то есть с зимы 1839 года. Старшин, сменивших брата его, знает только двух: Седоми Ненянгина, и Пигаги Ненянгина. на место первого определил Оды Ненянгин и на ме-

сто другого родственника Подаги, имя его не припомнит, Садома сменил Ваули за то, что убил грудного ребенка у родственника Ваули самоедина Топура Ненилгина, но новопроизведенные старшины в грабежах их не участвовали. Ваули действительно посылал в Обдорск два раза самоедов, в первый Хопзали Полумина, а во второй Недоми Адерова, для узнавания, что там делается и для вызова к себе князя Тайшнина. Далее обстоятельства наказания Тогомпады Топкина согласны с ответами князя Тайшнина, с присовокуплением, что он, не зная, кто намеревался освободить Ваули и кто бросился на исправника с ножом, также, где находится Мыгри Ходин и прочие их сообщники, он не знает, а полагает, что сн с оставшей незначительной шайкой откочевал далеко в низовые места к Туруханской стороне па реку Таз.

Менчеди Лазероду, по прозванию Сенин,—в 1839 году в сообществе самоедцев Ваули Цистомина и Мыгри Ходина он не находился, да у него самого было ими ограблено несколько олсней и звериных шкур, и о намерении к побегу Ваули и Мыгри из Сургута он не знал, и Ваули по прибытии в свой аул объявил, что он возвращен царем и сделан большим старшиною и, соединясь с братом своим Тогомпадою и самоедом Мыгри, производили грабеж, наконец, и он по убеждению присоединился к ним с братом Подором, дядьми Сольмом и Моймом, и общество по времени увеличилось до 200 человек. Главной же причиною соединению с Ваули была та, что был прежде их старшиною, и из страха к его ворожее и шаманству. Во время нападения самоедов случались и драки и из числа оных однажды едва были спасены от убийства Ваули два человека: 1—старшина Лаби, во время защищения грабежа своей собственности, и 2—самоедин Пура Сой, за несогласие его для вступления в шайку Ваули. Подобно сему он слышал, что старшина Садоми сделал два преступления, первое у самоедина Надыра Тоназарчаева зарезал грудного младенца из мщения, что мать этого дитяти не вышла за него в замужество, второе—от побоев его жена остяка Хочь Морика выкинула ребенка, за препятствие к отдаче чего-то требуемого им. Других же случаев смертоубийства он не знает и не слышал. Вооружение их состояло из стрел, ружей, ножей и шестов с приделанными к пшжним концам коньями. Сначала, как сказано выше, Ваули называл себя большим старшиною, но по причине успехов в грабеже и сильного влияния его на умы инородцев, говорил, что он повелитель Обдорской страны, не подчинен земскому начальству и что князь Тайшнин со всеми старшинами состоит под его властью и наконец назывался царем той страны, что слышали и многие из его шайки, даже и посланный от князя Тайшнина остяк Янта Мурзин, а о прочих его намерениях не знает. Прочие показания его сходны с таковыми остяка Тогомпады Топкина, с добавлением, что самоедин Хамзали Палумин в грабежах с ними не участвовал, быв печасто встречаем их шайкою на кочевке с своим чумом и был посылаем Ваули в Обдорск к мешанину Печавскому для приглашения его по торговым делам; но как он, Палумин, впоследствии времени был схвачен вместе с ними, не знает.

Сани Валютин, по старости лет и нездоровью, он никакого участия в кражах и грабежах с Ваули не имел, и потому самому лично удостоверит о действиях его с шайкою, по небытию при оной, не может, а

по наслышке им от сыновей своих, находившихся при Ваули, он доказал те обстоятельства, какие видны из вышеотобранных ответов. При сем он, Ванютин, присовокупил, что видел Ваули уже в то время, как он приближался к Обдорску, близъ чумов Япти Мурзина, где князь Тайшина целовал у него руки и обещал заплатить требуемую дань, и по время пути к Обдорску Ваули объявил, что он намерен ограбить казенные магазины с мукой, и все, что найдет там по случаю ярмарки, у князя же хотел отбить весь скот и, в случае сопротивления, лишить его жизни. По прибытии в Обдорск он остановился у князя, куда прибыл и Ваули. На зов его заседателем к исправнику он не согласился, и сей последний по прибытии в юрту вывел из оной Ваули за руку, прочие же сообщники его, обробев, обратились в бегство, он же Ванютин по старости лет не мог за ними следовать, скрылся в близъ находящемся сене, где он схвачен и отведен к исправнику. Где же находится сообщники Ваули, он не знает.

Ханзали Палумин причины к оправданию своему относительно неучастия в грабежах с Ваули он выводит те самые, какие видны в показаниях Менчеды Лазероду. При том дополнял, что в 25 верстах от Обдорска видел он князя Тайшина, но какие были причины его приезда туда и какой имели разговор с Ваулей, не знает, слышал только, что сей последний ругал князя и хотел бить оленьим рогом, но был от сего удержан мещанином Нечаевским, и князь просил у него в чем-то прощения и целовал руки. Палумин о задержании Пнеттомина пояснил, как и прочно ответчики, наконец и сам с другими был схвачен и отведен к исправнику.

Обдорский отдельный заседатель на предписание следственной комиссии от 14 февраля 1841 года донес о исполнении указа Березовского земского суда от 9-го октября 1839 года за № 1188, о розыскании самоедцев Ваули Пнеттомина и Мадари Ходина, о пояске их даны были казакам приказы, но, по случаю нахождения их в отдаленных местах и со многим количеством сообщников с ним, поймать было невозможно.

Следственная комиссия журналами, состоявшимися 1 и 2 числа марта, постановила: по невниманию заседателем Соколовым к законным требованиям комиссии и за оказанное к ней явное неуважение не отнестись более к нему ни за какими требованиями.

3 марта о внушении заседателю Соколову, что мнение его на счет действий комиссии неосновательно.

И 4 марта об отзыве заседателя Соколова, касательно представления ему ответов в комиссию на данные вопросы.

На заданные комиссией вопросы нижеписанные люди ответствовали:

Мещанин Николай Нечаевский: самоедец Ваули Пнеттомин по торговым делам был знаком покойному отцу, а потому Нечаевский знал его и слышал, что Ваули из ссылки бежал и производил грабежи; а в 1840 году, бывши по торговым делам за 300 верст от Обдорска, он встретился с Ваули и сообщниками его, в это время им у него Нечаевского товару было отобрано на 90 руб., а у ихородцев до 50 оленей, по возвращении он донес об этом заседателю Соколову. За сям сделалось извест-

но во время ярмарки, что Ваули с усилившейся и вооруженной шайкою направляет путь к Обдорску, по какие были приняты меры по таковому слухам заседателем Соколовым, ему неизвестно, жители же Обдорска и приехавшие торговцы на случай нападения по возможности вооружились, а, вскоре прибыв туда, березовский земский исправник, сделал нужные распоряжения, потом пригласил его Печаевского съездить к Ваули, узнать его намерения, число людей и вооружение и пригласить к себе в Обдорск, где будет удобнее его захватить. В это время прибыл от Ваули для приглашения Печаевского самоедец Хонзали Палумин, о чем он известил г. исправника, отправился в место назначения. Подробности пребывания мещанина Печаевского у Ваули Пиеттомина известны из прежде отобранного его показания. Наконец, по совещании со своими старшинами и по убеждению Печаевского отправился к Обдорску с тем, чтобы князь со старшинами встретил его по приезде к оному. Во время пути Тайшин открыл все опасения свои в отношении к Ваули и обещался выполнять его требования, хотя и говорил Печаевский, что Ваули по приезде в Обдорск будет задержан, но сим не убедился и даже советовал ему не доносить о том, что видел и слышал. По приезде в Обдорск Печаевский объявил г. исправнику обо всем выполненном. В 14 число генваря в 10 часов утра появился близ Обдорска Ваули с передовою частью своей шайки, а за ним тянулось множество нарт с инородцами, числом до 200 человек, и часа через два или три соединились с ними князь Тайшин и пробыл не менее двух часов. Ваули по прибытии в Обдорск остановился у юрты князя, с некоторыми из своих вошел в онугу, а другие остались у нарт, а остальная шайка оставалась у хлебных магазинов. Что же происходило в юрте князя, ему неизвестно, но по входе в онугу г. исправника Ваули был схвачен, и в то время Печаевский показал участников Ваули, которые были с ним в юрте Мурзина, кто же его старался освободить и кто замахивался на исправника с пожом, он, Печаевский, в толпе заметить не мог.

Иерей Обдорской Петропавловской церкви Александр Попов,—идя с квартиры своей в дом дьячка Карпова, видел он, что Пиеттомин остановился с шайкой своею у юрты князя, по число сообщников его не знает, также были ли они вооружены. Потом прибыл в юрту князь и сам исправник, а некоторые из казаков и жителей начали отбирать от самоедцов шесты с копиями. По выведении исправником Ваули из юрты, хотя приверженцы его бросились к отнятию, но в том были удержаны казаками и жителями, а он, Ваули, с товарищами утащен в квартиру исправника. Заседатель же Соколов в действии этом не принимал никакого участия и был, кажется, петрезв. Многие из инородцев остались довольными начальством и жителями за избавление от нападения Ваули и пожертвовали церкви звериными и оленьими шкурами до 300 рублей ассигнациями.

Урядник Филипп Федоров Шахов: о грабежах Ваули Пиеттомина начали доходить до Обдорска весною 1840 года слухи через инородцев, приезжающих для своей надобности, о чем знали князь Тайшин и заседатель Соколов, хотя сему последнему и жаловались за грабеж на Ваули остяк Янта Мурзин, старшина Лябе Оленин и прочие, но не получили от него никакого удовлетворения, и он даже не принял никаких мер к

безопасности и к поимке Ваули, а посему они ожидали приезда г. исправника, который прибыл в Обдорск 1-го января и узнал от упомянутых людей о намерениях Ваули, распорядился, чтоб Тайшин через родственника своего Инту Мурзина старался заманить Ваули в Обдорск, дабы иметь возможность его поймать, также употребил к этому мещанина Нечаевского, который успел в этом, обратиться в Обдорск через два дня вместе с князем Тайшинным, т. е. 13 января. Это известно ему, Шахову, потому, что он в продолжении этого времени находился при г. исправнике. Ваули на другой день с шайкою прибыл в Обдорск и остановился у магазинов, и один из этой шайки ездил за князем, который по приезде к ним пробыл около трех часов. Перед вечером уже большая часть шайки поехала в Обдорск, за партией Ваули ехал князь, у юрты которого все остановилось. С Ваули сняли верхнюю одежду, и Мурзин, взяв его под руки, ввел в юрту, у парт же осталось несколько человек. А по распоряжению исправника вблизи были расставлены караульные, которые по условленному знаку готовы были к поимке Ваули с сообщниками. При сем заметил Шахов, что в партах приехавших инородцев были луки со стрелами, в некоторых винтовки и при каждой шесте с копьями, а у самого Ваули лежали в партах винтовки и меч. Г. исправник посылал сперва звать к себе Ваули казака Каноулина, потом мещанина Андреева, вместе с заседателем Соколовым, который был в нетрезвом виде, наконец и сам пошел в юрту, с ним вошел и Шахов с другими казаками. Исправник, взяв Ваули за руку, сказал: «Здорово, Ваули, пойдем ко мне в гости». Внезапный приход исправника привел в робость Ваули, и он вышел из юрты без сопротивления. Испугавшиеся инородцы, кинувшись вдруг из юрты, затруднили для себя выход, а между тем подоспели торговцы и казаки, обезоружили их и, по указанию Нечаевского, некоторых из них схватили. Шахов же высочил в окно и увидел, что Ваули, вырвавшись из рук исправника, бросился к своим партам, но был схвачен и унесен в квартиру исправника, равно и другие из его сообщников, схваченные в ту же минуту. Один из числа намеревавшихся отнять Ваули бросился с ножом на исправника, но Шахов в это время ударом обнаженной своей сабли вышиб нож из рук того неизвестного, и он успел скрыться. Прочие же сообщники Ваули скрылись, ибо по малочисленности народа не было средств к поимке. Заседатель же Соколов, будучи пьян, не оказал никакого при этом случая содействия, стоя за юртою князя, кричал непонятные речи. Но имели ли участие в преступных замыслах Ваули князь Тайшин и другие старшины, ему неизвестно. По взятии Ваули незаметно было между инородцами никакого на русских ожесточения и злобы, но только они страшились силы его шайки, колдовства его и мщения в случае вторичного побега, но, когда узнали, что он увезен в Березов и лишен всех средств к побегу, тогда всеобщая радость заступила место их опасения, в ознаменованье коей пожертвовали они добровольно церкви на 300 р. ассигнациями и разными звериными шкурами.

Единственная причина привлечения к Ваули была надежда на богатую добычу, которая по словам (шла) в общий раздел, а другие инородцы присоединились к нему, боясь мщения и колдовства его, но никогда не слышно было ропота на начальство, хотя в частности наносимы были

им притеснения заседателем Соколовым, но это не содействовало к соединению их с Пистоминным. Причины такого обращения заседателя Соколова не только с инородцами и с жителями Обдорска есть всегачнее пьянство, от которого приходит иногда в сумасшествие, и до приезде комиссии за три дня был пьян и в оном положении, из вытребованных по предварительному предписанию комиссии из чумов князя Тайшина и прочих старшин, он, Соколов, остяка Япту Мурзина бил жестоко без всякой вины и хотел надеть на него колодки, произошло при этом, что он будто грабитель вместе с Ваулей, несмотря на то, что Мурзина оправдывал князь Тайшин.

Урядник Иван Ослотов, казаки Андрей Кокоулин, Николай Старков, Игнатий Москантин, купецкий сын Михайло Чечуров, Мещале Сергеев, Гулинич, Мамеев в ответах своих против ответа урядника Шахова показало согласно.

Князь Иван Тайшин слышал от инородцев ему подведомственных, что Ваули привлек на свою сторону людей бедных, не имеющих никакого пропитания, чрез угрозы, обманы и вымышленное колдовство. Ваули при свидании с Тайшиным и при народе говорил, что он могущественнее самого даря, о смене же старшин Седома и Падиги он узнал тогда, когда был в чумах у остяка Япты Мурзина, но воспрепятствовать в том Вауле, по причине усилившейся его шайки, было невозможно, и по краткости времени не успел донести местному начальству, о всех жалобах старшин на грабежи Ваули объявил заседателю Соколову, но он не делал никакого удовлетворения, не утаил от Соколова и то, что его Тайшина намерен был Ваули ограбить, но в этом намерении не успел. Он прежде не имел никаких сведений о намерении Ваули его сместить. Япту Мурзина посылал он к Ваули два раза, будучи совершенно уверен в преданности его к правительству, звать в Обдорск, где удобнее его можно будет схватить. Ваули в оба раза отвечал, что он в Обдорск будет только тогда, когда Япта будет князем. Во время встречи с Тайшиным Ваули близ Обдорска, последний первого начал ругать и хотел ударить оленьим рогом, но от этого удержан мешаняном Нечаевским за то, что выдал его в 1839 г. в руки правительства; ему Тайшину невозможно было тогда противоречить, и чтобы успеть в своем намерении замалить его в Обдорск, принужден был унизиться до того, что целовал у него руку, соглашаясь заплатить ему дань, и даже соглашался уступить место свое Мурзину, и он следствие своей поездки сообщил подробно г. исправнику, а Нечаевскому не открыл потому, чтоб он не проговорился и чрез то не расстроил его плана. На другой день подошел Ваули к Обдорску и к нему по зову явился Тайшин, уверив в своей преданности и в исполнении всех его требований, убедил Ваули въехать в Обдорск и получил на это согласие. По приезде Ваули остановился у юрты князя, с него снята была верхняя одежда, и он под руки был введен в оную, где и делал раскладку дани на всех старшин, начиная с князя, но приход заседателя отвлек его от этого занятия, которому он не сделал должного уважения, даже не встал со своего места и не согласился на зов его идти к г. исправнику. Но при входе сего последнего Ваули смутился, с покорностью встал со своего места и беспрепятственно последовал за ним из юрты. Тайшин же по тесноте не мог выбраться из юрты, а потому не

знает, что делалось на улице. сообщники же его должны быть на реке Енисее.

Ялта Мурзин в ответах своих говорил согласно с Тайшиным, при-
совокупив, что он Мурзин никогда не имел намерения быть на месте
князя, хотя и желал этого Ваули. Однажды он точно согласился на при-
нятие этого титула, единственно для того, чтобы привлечь Ваули в Об-
дорск. Ваули не называл себя царем, а только великим старшиной, не
знает, кого именно он посылал к князю и зачем, но полагает, что с на-
мерением устрашать его и взять дань, о смене же старшин услышал он
только в то время, когда Ваули был близь его чумов, но кто именно был
сменен и за что, не знает.

Старшины Ляу Евдырев, Небыр Тобольчин показали согласно князю
Тайшину.

Березовский окружной суд по рассмотрению этого дела мнением пола-
гает: 1) из числа самоедцев Меньчеду Сапина, Тогомладу Топкина, до-
бровольно созвавшихся в грабеже у разных инородцев на немалозначи-
тельную сумму оленей, а также и в намерении ограбить князя Тайшина
и казенные запасные магазейны с мукою, хотя бы следовало на основа-
нии 120, 121, 123, 726, 727, 1030 и 1031 ст. 15 т. Зак. Угол. подвер-
гнуть телесному наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу, не
как ими сие преступление учинено до издания всемилощивейшего мани-
феста, состоявшегося в 16 апреля сего 1841 года, то, применяясь к
11 пункту оного, избавя от такового телесного наказания, сослать в
каторжную работу, по назначению приказа о ссыльных; 2) Сану Лаза-
рина (он же Ванютин) и Хозали Палумина, первого из них, как при на-
чальном вопросе земского исправника Скорнякова созвавшегося в со-
участии с Ваулею Пьеттоминым по предмету чинимого воровства и грабе-
жа, а также защищения себя во время случившейся в избе князя Тай-
шина драки имевшимся при нем ножиком, и передопросе, сделанном след-
ственною комиссиею, учинившего во всем том заpiresательство, освободив
от назначенного законом телесного наказания, в силу того же всемило-
щивейшего манифеста 11 пункта сослать в Иркутскую губернию на по-
селение, 3) а последнего, то есть Палумина, не сознавшегося в воровстве
и грабеже с Ваули, по оговоренного Топкиным в этом соучастии и до-
статочно не избощенного по силе 109 и 1155 ст. ст. 15 тома Зак.
Угол. оставить в сильном подозрении, и как он Палумин по сознанию
его, что оп от сообщников Ваули и от самого его пользовался, вероятно,
заведомо ограбленными оленями, то его Палумина сослать далее в
Сибирь на поселение, 4) О тех, какие значатся в реестре следственной
комиссии, инородцы и именно: Мы-Яры, Той-Ходин, Пильту Тунби с про-
чими товарищами, всего 22 человеками, заключающимися также с Ваулей
Пьеттоминым по предмету грабежа, но неизвестно куда скрывшиеся, огра-
ничиться строгим местным за ними наблюдением, что и возложить на
земский суд, с тем, чтобы оный в поимке их употребил самые скорые
и деятельные меры, так как они все поименованы тому суду в реестре,
приложенном при подписании комиссии от 25 февраля с. г. 5) Посту-
пок инородца Садома Ненянгина в убийстве грудного младенца у само-
едина Толуры Ненянгина ж впредь до поимки его из бегов оставить без
положения. 6) Князю Тайшину, старшинам Обдорского отделения за не-

своевременное объявление по начальству о чинимых Пиеттоминым грабительствах, в начале появления в тот край по побеге с места причисления, куда сослан он был за прежние преступления, но тогда уже когда грабежи еще более начали увеличиваться и покушения на жизнь самого Тайшина, признав по 1 и 4 пунктам 13 ст. 15 тома Зак. Угол. выдержать всех старшин в Обдорском отделении под караулом, а князю Тайшину строго подтвердить, чтоб на предбудущее время сколь можно старался быть по службе деятельнее. 7) Инородцам же, у коих ограблены Ваудей олени, возратить через земский суд и всех тех оленей, какие только опознаны будут ими у жен грабителей, в остальном же иске по 484 ст. того же 15 тома хозяевам таковых покраденных оленей отказать. 8) Прочим же инородцам того отделения в деле заключающимся, как-то: Соли Янвшину, Ервалы Сирта Ламболиду, Горма Вырпаду и прочим, прикосновенных к оному делу, на основании 107 и 108 ст. 15 т., оставить свободными. 9) Что же касается до бывшего Обдорского заседателя Соколова, оказавшего при отобрании у него следственною комиссиею нужных по делу сему ответов упорство и прочие противозаконные действия, а равно оказанные при произведении начального следствия земского исправника Скорякова к прекращению грабежа и поимке преступников, об этом предать в благорассмотрение высшего начальства.

Губернский суд по рассмотрению обстоятельств востоящего дела, представленного при рапорте Березовского окружного суда от 24 июля за № 64 решительным определением, состоявшимся 9-го сентября востоящего года, заключил: по обстоятельствам этого дела учинить следующее: первое, самоеда Тогомпада Топкина Пиеттомина за ограбление разных инородцев на немалозначительную сумму оленей и за намерение в числе прочих подобных себе, бывших под управлением инородца Ваузи Пиеттомина шайки вооруженных, ограбить князя Тайшина и казенные запасные магазины с мукою, хотя бы и следовало подвергнуть определённому законом публичному наказанию кнѹтом, но благостию всемилютейшего манифеста, состоявшегося в 16 день апреля 1841 г. 11 ст., избавя от наказания, сослать в отдаленную Сибирь в каторжную работу, по распоряжению Тобольского приказа о ссыльных, такового ж Менчеда Самина, он же Сенил, тоже бы следовало за это самое преступление подвергнуть тому же наказанию, но за смертью его оставить без положения.

Второе, Санпала Ямо Лазаримо, он же Ванютин, Хапзали и Хазауми (а не Хатауми) Полумина—первого, как при первоначальном вопросе земским исправником Скорняковым, сознавшегося в том грабеже и воровстве и также в защищении себя и прочих во время случившейся в избе князя Тайшина драки, а при передопросе, сделанном следственною комиссиею, учинившего во всем том заирательство, но по следствию некоторыми в том показании и обстоятельствами обличаемого, не давая веры отрицательству, на основании 109 ст. 15 т. Зак. Угол., оставив в сильнейшем подозрении, сослать в пресечение от сообщества со скрывшимися участниками, в отдаленную Сибирь на поселение по распоряжению приказа о ссыльных, который о всех преступниках от сего суда уведомить, а последнего Палумина, хотя не сознавшегося в грабеже и

воровстве и никем из соучастников Пиеттомина не оговоренного, но признавшегося, что он получал от сообщников Ваули Пиеттомина и самого его оленей, якобы по бедности своей, как человека подозрительного и в самом участии, удалить от сообщества в другие места, по усмотрению начальства на основании 585 пункта и 64 ст. 15 т. Зак. Угол.

Третье, о значущихся в реестре следственной комиссии инородцев Мы-Яры, Той-Ходине, Бильте-Тукбе, всего 22 человеках, заключающихся также с Ваули Пиеттомином по грабежу, суждение их впредь до поимки оставить, равно и поступки инородца Садоми Ненянгина в убийстве грудного младенца и самоедина Топура Ненянгина же, тоже до поимки и его.

Четвертое, князю Тайшину и старшинам Обдорского отделения, за несвоевременное объявление по начальству о чинимых Пиеттоминым грабежах в начале появления его в край тот, по побеге с места своего поселения, куда он был сослан за подобное прежде сего преступление, хотя бы и следовало положить соразмерно невниманию и бесчеловечности их по законам строгое взыскание, но за силою последовавшего всемилоостивейшего манифеста 16 апреля 1841 г. от того избавить, подтвердив, чтоб они на будущее время сколь можно старались по службе быть деятельными, под опасением за противное неизбежного строгого по законам наказания.

Пятое, инородцам, у коих ограблены Пиеттоминым олени, по познании о действительной их хозяевам принадлежности, возвратить с распиской под делом, чрез Березовский земский суд, в остальном же иске по силе 684 ст. 15 т. Зак. Угол. отказать, а прочих инородцев, прикосновенных к сему делу одними словами, оставить без положения.

Шестое, об оказании отдельным заседателем Соколовым при ограблении у него следственной комиссией нужных к этому делу ответов упорстве и прочих противозаконных действиях, даже лжестве, которое удостоверяется некоторыми спрошенными разными лицами, что видно в особенностях из постановления комиссии (стр. 182, 188, 192, 280) из собственных его даже Соколова от 3 и 4 марта № 172 и 183 (лист 194) рапортов, независимо от этого дела, передать причастность его на постановление Тобольского губернского правления, соображаясь силою всемилоостивейшего манифеста, состоявшегося 16 апреля с. г. IV ст.

Седьмое, употребленные по этому делу прогозные деньги адъютантом графом Толстым 17 р. 85 к. серебром по силе того же всемилоостивейшего манифеста ст. 6 из недоимки исключить, о чем уведомить через Тобольское губернское правление Тобольскую казенную палату. Затем мнение окружного суда не утвержденное в некоторых частях, на основании 1103 ст. отменить, поставив в строгое замечание членам Окружного суда, что мнение оного, особенно заключение, изложено не только с ошибками, но и довольно в некоторых частях бессмысленно, и это все должно губернским судом буквально прописываться в его решении и восходить в этом виде в высшую ревизию, подтвердить особенно секретарю наблюдать за исправностью и о поступке Ваули Пиеттомина, за преданием его военному суду, оставить здесь без положения; о заковании же в кандалы самоеда Топопаду Тонкина Пиеттомина, на основании 83 ст. 14 т. предписать смотрителю Тобольского тюремного замка.

(Подписи) (Лл. 93—141)

1843 г. 12/II. Извещение Tobольского губернатора
генерал-губернатору Западной Сибири о приговоре
над Ваули

Тобольское общее
губернское управление
Отделение 2
Стол 2

С представлением дела

12 февраля 1843 г.

№ 819

Тобольск

Его сиятельству господину
генерал-губернатору Западной
Сибири и командиру отдельного
Сибирского корпуса

Г. Начальник 23 пехотной дивизии генерал-лейтенант Гладышев препроводил ко мне военно-судное дело, произведенное при I-м линейном Сибирском батальоне над инородцем Ваули Пиеттоминым вместе с мнениями по оному командира сего батальона и командующего I бригадой 23 пехотной дивизии, применяясь 660 ст. и примечанию на 662 ст. 12 т. свода военных постановлений.

Как военный суд над означенным преступником Пиеттоминым наряджен по распоряжению вашего сиятельства и притом самое преступление его по существу своему составляет особенную важность, то по сим причинам дело об нем я обязанностью счел представить на окончательную конфирмацию вашего сиятельства, почтительнейше докладывая при том, что мнение военного суда, коим Пиеттомин присужден к ссылке в каторжную работу,—с избавлением от телесного наказания, по силе всемилостивейшего манифеста от 16 апреля 1841 г. я нахожу с своей стороны сообразным с существом дела и законами.

(л. 178)

1843 г. 6/III. Проект отношения генерал-губернатора
Зап. Сибири Тобольскому губернатору о согласии
с приговором

Отдел 2 стол 1
6 марта 1843 г.
№ 114
г. Омск

Г. исправляющему должность
Тобольского гражданского
губернатора

Усматривая из представления нашего превосходительства от 12 минувшего февраля, что вы находите мнение военного суда по делу об инородце Ваули Пиеттомине сообразным с существом дела и законами и признавая с своей стороны это мнение основательным, я имею честь возвратить к вам, милостивый государь, дело о Ваули Пиеттомине с мнениями по нему командира I линейного Сибирского батальона и командующего первую бригадою 23 пехотной дивизии, для дачи этому делу дальнейшего хода установленным порядком.

Рукою его сиятельства добавлено в конце: приказу о ссыльных предписать Ваули Пиеттомина назначить в Восточную Сибирь.

(л. л. 181—182)

(Подпись)